
АСПИРИН
НЕ ПОМОЖЕТ
#1

О ТОМ, ЧТО ВЫ ДЕРЖИТЕ В РУКАХ

Кому-то из читателей может показаться, что наш журнал очень похож на самиздатский вариант "Америки" или "Ридерз Дайджеста". Нам бы, конечно, очень не хотелось, чтобы у вас сложилось подобное впечатление.
Действительно, статьи, составившие первый номер, взяты из американских изданий, но... Не спешите делать скоропалительных выводов о том, что они имеют весьма косвенное отношение к нашей жизни, а те, что имеют - страдают полным непониманием российской специфики. С нашей точки зрения, все совсем наоборот.
Статья Джорджа Брэдфорда, опубликованная в американском анархистском журнале Fifth Estate, надо признать, является удачной попыткой анализа "триумфа капитализма" и происходящих в бывшем СССР изменений. Что еще выгодно отличает ее от других публикаций на ту же тему, так это рассмотрение проблемы в контексте мировых процессов и в отношении к системе глобального капитализма, которая столь бурно развивалась в последние десятилетия. Российскому читателю, привыкшему рассматривать проблемы своей страны почти исключительно глядя из собственного болота, эта статья безусловно окажется небесполезной. Что же до не очень значительных погрешностей в описании разваливающейся империи и наших общественных движений, то они вполне объяснимы.
Кстати, в распоряжении редакции есть статья Кирилла Привезенцева, посвященная примерно тем же проблемам. Мы надеемся опубликовать ее в одном из следующих номеров журнала, тем самым продолжив дискуссию, начатую статьей Брэдфорда. Очерк Кирилла Привезенцева, насколько нам известно, является едва ли не единственной (а может быть и единственной) попыткой серьезно проанализировать происходящие процессы с точки зрения последовательного радикала. Это - свидетельство застоя в радикальной тусовке, которая за годы перестройки не сумела создать ничего кроме недолговечных, зачастую импотентных оргструктур и нескольких десятков манифестов, претендующих на статус серьезных программ. В частности поэтому при выборе материала мы отдали предпочтение переводным статьям.
Что же касается очерка, посвященного ситуационистам, то он заслуживает некоторых комментариев. Прежде всего, нам бы хотелось, чтобы он не воспринимался как еще одна статья, посвященная "тому поющему и зовущему яркому маю", "бунташному 1968" и т.д. и т.п. Являясь противниками мифов и мифотворчества, мы не хотели бы заполнять ими страницы журнала. Этой статьей мы хотим открыть серию материалов об идеях, возникших в последние десятилетия, которые не утратили своей актуальности и в наши дни, и могут служить инструментом для анализа сегодняшнего общества, как капиталистического, так и посткоммунистического.
В статье Филлипа Смита, конечно, есть много моментов, заслуживающих серьезной критики (поскольку автор, по мнению авторитетных экспертов-друзей нашего журнала, уже в подходе к ситуационистам как к "-изму", "идеологии" исказил основополагающие черты этого идейного направления). Но тем не менее, несмотря на серьезность высказанных замечаний, мы предпочли начать знакомство с ситуационистами именно с этого очерка, поскольку он дает некоторое общее представление о корнях, из которых они выросли.

О ПЛАНАХ РЕДАКЦИИ

Во втором номере журнала будет опубликована заключительная часть статьи Джорджа Брэдфорда "Триумф капитала", посвященная анализу природы "рабочего государства" СССР, его генезиса, сущности капитала, веротяных перспектив и возможных стратегий.
Также в планах редакции публикация очерка Мориса Бринтона "Иррациональное в политике", знакомящего читателей с некоторыми основополагающими аспектами теории сексуальной революции Райха и открывающего некоторые новые перспективы для радикального переустройства общества.
Далее, мы планируем опубликовать уже упоминавшуюся статью Кирилла Привезенцева "С этого берега...", статью Ноама Чомски, посвященную "новому мировому порядку", ряд материалов, касающихся ситуационистов. Уже из перечисленного видно, что статьи в основном переводные. К сожалению, своего круга "местных" авторов у журнала пока нет, но мы рассчитываем на то, что он со временем появится. У редактора тоже есть свои проекты и планы статей, но о них лучше не говорить раньше времени.
Мы призываем тех, кому попадется в руки этот журнал и кого заинтерсуют опубликованные в нем материалы, не откладывать изложение своих мыслей в долгий ящик, а незамедлительно вступать в диалог с авторами статей. Нам также очень интересно узнать ваше мнение о нашем журнале.
Мы намеренно не стали разворачивать перед читателями во всем великолепии программу вселенского переустройства, которую призван выполнить наш журнал. Нам представляется, что правильнее будет, как заметил один человек по совершенно другому поводу: "критику, обвиняющему некие зримые им феномены в фантомности... позаботиться о том, чтобы доказать собственное отличие от чистой симуляции".
Итак, добро пожаловать к дискуссии о проблемах, решить которые призван не аспирин, а критический анализ и радикальное действие.
С.Р.

В фонды Центральной Государственной Публичной Библиотеки имени Некрасова в Москве поступила новая брошюра "Две ошибки Маркса-Ленина" Маркарова Г.Г. Автор, несомненно оставаясь в рамках марксиситско-ленинской традиции, подвергает творческому переосмыслению тезис Карла Маркса о том, что бытие определяет сознание, указывая что все обстоит ровно наоборот. На основе этого открытия делается вывод о том, что построение социализма на Западе невозможно, поскольку там господствует индивидуалистическая психология, в то время как господствующая на Востоке коллективистская психология делает невозможным построение у нас капитализма. Дальнейшие выводы, как говорится, делайте сами.

Мы обратились за разъяснениями по поводу этой оригинальной концепции к известному московскому марксисту А.Т. Последний отозвался о теории тов. Маркарова Г.Г. как о вульгарно-социологической, поскольку в трудах Карла Маркса, как известно, содержится тезис не о том, что бытие определяет сознание, а о том, что общественное бытие определяет общественное сознание.

Мы считаем, что тов. Маркарову Г.Г. должно быть стыдно за незнание им основополагающих принципов марксизма и введение в заблуждение широкой общественности.

Для тех, кто захочет самостоятельно ознакомиться с творчеством тов. Маркарова Г.Г., сообщаем, что его брошюру можно найти в одном из томов собрания сочинений К.Маркса и Ф.Энгельса в справочно-библиографическом отделе Центральной Государственной Публичной Библиотеки имени Некрасова.

Во втором номере выходящего в Москве англоязычного журнала Mother Anarchy опубликована статья некоей Вероники Кастро, перепечатанная из газеты Moscow Times, "Бунт зреет под Москвой". В статье рассказывается о группе радикально настроенных людей, в основном уже достаточно преклонного возраста (с типично русскими именами типа Ivan Babushkin), которые готовят народное восстание с целью свержения антинародного режима Ельцина и установления вольного анархического коммунизма. Духовной матерью группы является женщина лет пятидесяти, известная под именем Матери Анархии. Автор статьи сообщает и о том, что повстанцы уже собирают оружие для будущей революции, в том числе буханки черствого хлеба, чтобы использовать их вместо булыжников.

В связи с вышеизложенным хочется спросить, куда смотрят органы безопасности, и готова ли редакция Moscow Times взять на себя ответственность за достоверность публикуемой информации.

С тех пор, как я стал что-нибудь смыслить, я сознавал, что существующий порядок вещей (преимущественно порядок общественный и гражданский, отношения людей между собою, определяющие всю человеческую жизнь), что этот существующий порядок далеко не таков, каким должен быть, что он основан не на разуме и праве, а напротив, по большей части на бессмысленной случайности, слепой силе, эгоизме и насильственном подчинении. Люди практические, хотя и видят неудовлетворительность этого порядка (не видеть ее нельзя), но находят возможным и удобным применяться к нему, найти в нем свое теплое местечко и жить, как живется. Другие люди, будучи не в состоянии примириться с мировым злом, но считая его, однако, необходимым и вечным, должны удовольствоваться бессильным презрением к существующей действительности или же проклинать ее a la лорд Байрон. Это очень благородные люди, но от их благородства никому ни тепло, ни холодно. Я не принадлежу ни к тому, ни к другому разряду. Сознательное убеждение в том, что настоящее состояние человечества не таково, каким быть должно, значит для меня, что оно должно быть изменено, преобразовано. Я не признаю существующего зла вечным, я не верю в черта. Сознавая необходимость преобразования, я тем самым обязываюсь посвятить всю свою жизнь и все свои силы на то, чтобы это преобразование было действительно совершено. Но самый важный вопрос: где средства?

Анонимные цитаты - редкая возможность оценить сказанное, не ощущая на себе давления живых и мертвых авторитетов.

УЧИМ АНГЛИЙСКИЙ ВМЕСТЕ
(Вместо посвящения)

anarchy	анархия
Laure	Лора
unbelievable	невероятный, -ая
inspiration	вдохновение
spontaneously	спонтанно
fanzine	очень независимый журнал
global capitalism	глобальный капитализм
revolution	революция
inevitable	неизбежна!

Свои отклики на журнал, статьи, критические замечания направляйте по адресу: 109462 Москва, Волжский бульвар, д.21, кв.62, Цовме Михаилу.

По этому же адресу можно узнать условия получения журнала.

Волны активн...

Результаты торгов и структура сделок

—За чертой бедности!

ИДЕОЛОГИЯ КАК ДВИГАТЕЛЬ ТОРГОВЛИ

ВОДКА "СМИРНОФФ". СЛИШКОМ ХОРОША, ЧТОБЫ ОСТАВАТЬСЯ ЗА СТЕНОЙ.

Too good to stay behind bars.

ТРИУМФ КАПИТАЛА

Джордж БРЭДФОРД

1

Правительства приходят и уходят,
а бизнес остается.
Анатолий Скопенко, президент украинского банка "Возрождение". The New York Times, 31.8.91.

США и СССР, как я понимаю, были двумя частями одной Империи, как бы разделенной императором Диоклетианом для чисто административных целей; в сущности это было одно целое с единой системой ценностей.
Филип К.Дик, Radio Free Albemuth.

Когда рухнула берлинская стена, люди сразу побежали по магазинам. В этом, без сомнения, повседневном акте приобретения того, что имеет цену, они вошли в мир, называемый "свободным", и сделали это в манере, которая столь же материальна в своей символичности, сколь и символична в своей материальности. Теперь они были свободны заняться поисками товаров, которые нельзя было достать в обществе, называвшем себя марксистским. Ирония заключалась в том, что сам Маркс (вполне мудро написавший однажды, что он не марксист) писал, цитируя самого себя в первой строке первой главы первого тома "Капитала": "Богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, выступает как "огромное скопление товаров"..."

Теперь это огромное скопление стало ключом к желаниям людей. Они сбросили не только диктатуру, тайную полицию и контроль над мышлением, но все то, что отгораживало их от мира за стеной. Даже сама стена пала под напором рыночных сил, была разбита на кусочки и продана на сувениры в память о моменте, быстро исчезавшем в вихре опосредованной истории. Проще говоря, капитализм праздновал триумф. Цены, конечно, выросли. "С более красивыми упаковками и большим разнообразием новых западных товаров, пришли также и более высокие цены", - писала канадская газета *The Toronto Globe & Mail (3.7.90).* Только со временем одержимые покупатели поймут, какова реальная цена этого. Они меняют диктатуру нищих на стремительное обнищание под диктатурой денег. Их социализм потерпел неудачу, и теперь они заново усваивают азы капитализма, главный из которых - "Без денег ты какашка, а с деньгами - человек". К несчастью для себя они оказались на противоположном от "настоящих людей" конце. Что всегда составляло сильную сторону Маркса - его критика товара, рынка и отчуждения, - теперь легло тяжким грузом на плечи живущих, но не потому, что это был груз прошлого, а потому, что он демонстрировал бремя настоящего, гнетущее людей.

Бывшие заключенные Восточного блока сбросили свои цепи, но мир, который они обрели, оказался универсальной проституцией, о которой писал их официальный пророк.

"Способность всех продуктов, деятельностей, отношений к обмену на нечто третье, вещное, на нечто такое, что в свою очередь может быть обменено на все без разбора, - то есть развитие меновых стоимостей (и денежных отношений) - тождественна всеобщей продажности, коррупции", - писал Маркс в своих рукописях. "Всеобщая проституция выступает как необходимая фаза развития общественного характера личных задатков, потенций, способностей, деятельностей. Выражаясь более вежливо: всеобщее отношение полезности и годности для употребления". *(Экономические рукописи 1857-59 гг.)*

Бывшие заключенные Восточного блока сбросили свои цепи, но мир, который они обрели, оказался универсальной проституцией, о которой писал их официальный пророк. Этот мир мы, заключеные Западного блока, знаем слишком хорошо. "Мы их макдональдизируем", - заявил в интервью "Нью-Йорк Таймс" управляющий "МакДональдс", комментируя "культурное завоевание" Советского Союза и открытие своего ресторана в Москве. *(The New York Times, 28.1.90)*

Капитализм праздновал триумф. "Свободный мир" одержал победу. Восточный блок стал свободен - его теперь можно свободно макдональдизировать. В том же отрывке "Экономических рукописей" Маркс отметил, что в обществах с "неразвитыми" системами обмена (феодализм, традиционные или не имеющие письменности общества, а теперь к ним можно условно отнести и бюрократические коллективистские общества Восточного блока), люди вступают в общение друг с другом, будучи "заключенными" в строго определенные роли (и здесь он показал свою собственную несвободу от буржуазной идеологии прогресса в той степени, в какой рассматривал все отношения как строго определенные, несмотря на обоснованность альтернативы, которую он пытался предложить). Роли, о которых говорил Маркс, могут включать господина и вассала, или роли, определенные родовыми отношениями, но возможно также партийного бюрократа и работника в партийно-бюрократических государствах Восточного блока.

Однако, при развитом капитализме ("и эта видимость обольщает демократию", - пишет он, как бы говоря о нынешней победе "демократии" над "коммунизмом") "узы личной зависимости, различия происхождения, образования и т.д. действительно подорваны и разорваны... кажется, будто индивиды независимо (эта независимость вообще есть только иллюзия, и ее правильнее было бы назвать безразличием в смысле индифферентности), свободно сталкиваются друг с другом и обмениваются друг с другом в рамках этой свободы, но такими они *кажутся* лишь тому, кто абстрагируется от тех *условий*, тех *условий существования*,... при которых эти индивиды вступают в соприкосновение друг с другом..." То есть, говоря на языке капитализма, ничего бесплатного не бывает; свобода, обещанная капиталом, тоже имеет свою скрытую цену. Сами "свободные отношения" определяются диктатурой, более сложной по своей сути, чем та, какой государственно-коллективистские диктатуры когда-либо могли стать.

"Отдельное лицо может случайно с ними справиться," - продолжает Маркс (и нам на ум приходят многочисленные бывшие функционеры из коммунистической бюрократии, которые теперь становятся новыми капиталистами), - "но не масса, закабаленных ими людей, ибо само существование такой массы выражает подчинение, и притом неизбежное подчинение индивидов этим отношениям". Иначе говоря, макдональдизация требует низкооплачиваемых чернорабочих, если подразумевается существование инвесторов, получающих высокие прибыли. Все не

Говоря на языке капитализма, ничего бесплатного не бывает; свобода, обещанная капиталом, тоже имеет свою скрытую цену. Сами "свободные отношения" определяются диктатурой, более сложной по своей сути, чем та, какой государственно-коллективистские диктатуры когда-либо могли стать.

могут быть богатыми. Капитализму нужна колония, и кто-то должен ею стать.

Когда исследователь Дэвид Лемперт спросил советского экономиста, какими экономическими правами и защитой от эксплуатации будут пользоваться те, у кого нет собственного капитала, после перехода к "свободному рынку", он услышал в ответ: "У них будет право на труд. Право работать на тех, у кого есть капитал". В Ленинграде, ныне Санкт-Петербурге, была создана "свободная экономическая зона" с тем, чтобы, говоря словами одного из депутатов горсовета, превратить его в город "как Мехико". Студент юридического факультета, продолжает Лемперт, сформулировал это еще более прямолинейно. "Нас не интересуют идеи демократии", - сказал он. - "Нам нужно есть. Помогите нам выучить английский, чтобы мы могли работать на совместных предприятиях". *("Soviet Sellout", Mother Jones, Sept.-Oct. 1991)*

В рыночной экономике есть и свои стахановцы. Устающий от долгой работы по ночам в коммерческом киоске неподалеку от Кремля предприниматель предлагает дорогую водку, жевательную резинку, подержанную одежду и другие товары, пользующиеся спросом. (Киоски не закрываются на ночь, иначе их могут ограбить, большие мафии защищают их от маленьких. Нетрудно себе представит Крестного отца, шепчущего "Это всего лишь бизнес...") Владелец киоска мечтает о большом супермаркете и говорит иностранцу: "Мы должны постепенно расти, с неудачами и прогрессом, чтобы через 10-15 лет дорасти до ваших колен". Это показывает, что в бывшей могущественной империи развивается не только дух предпринимательства, но также зависть и чувство неполноценности, воспитываемое колониализмом. *(New York Times, 24.1.92)*

"Это неизбежно", - шептал Лемперту редактор газеты. "Мы превращаемся в колонию". А старый сибиряк восклицал: "Продавайте леса. Продавайте ископаемые.. Пусть Запад возьмет все, что ему надо. Пусть они придут и дадут нам то, с чем мы можем начать". Конечно, Запад с радостью даст им все, что нужно... чтобы стать как Мехико.

2

Театр как чума... выпускает наружу конфликты, разделяет силы, освобождает возможности, и если эти возможности и эти силы темны, это вина не чумы и не театра, а вина жизни".
Антонен Арто. Театр и его двойник.

Империя в беспорядке, памятники покачнулись в вихре истории и рухнули. Радостная толпа разбивает статуи выдающихся палачей. Безоружные люди встают против танков, и танки отступают. Может быть империя действительно рушится, теперь есть только вихрь, опасный и пьянящий.

И так близко подходит чудесное
К развалившимся грязным домам...
Никому, никому неизвестное,
Но от века желанное нам.
Анна Ахматова, 1921

Люди победили диктаторов на улицах городов Восточного блока, пусть ненадолго. Их великий отказ моментально парализовал государство-гулаг, хотя и не сломал его хребет.

Как и почему события развернулись подобным образом, а не как-нибудь иначе, останется гипотетическим вопросом. Сочетание различных элементов, кажется, создало то, что не мог создать каждый из них в отдельности. Налицо восстание низов, "контрреволюция" извне, дворцовый переворот в верхах и всеобщий экономический кризис. Все эти аспекты переплетены между собой, и ни один не может быть отделен от остальных. Все вместе они превращают ситуацию во *множественность* уникальных несоизмеримых ситуаций - географических, культурных и политических, - что объясняет, почему ни одна из сил в бывших обществах Восточного блока не может еще связно ответить на эти изменения.

Народная революция, совпавшая с национальным крахом, вызревала на протяжении десятилетий, поколений. Вопреки фантазиям правых западных академиков (некоторые из них в прошлом левые), даже советский тоталитаризм не мог достичь состояния кошмарного в своей абсолютности и нерушимости монолита. (Таким образом, противопоставление "авторитаризм-тоталитаризм", столь популярное среди реакционных американских академиков и в дипломатических кругах в эпоху Рейгана, полностью дискредитировало себя при глубоком молчании его создателей.)

Как отмечает историк Джеффри Хоскинг, древние формы взаимопомощи традиционной общины (мира) и кооперативов, созданные крестьянами, поселившимися в городах (артели), были корнями новых форм объединений во время недавних восстаний, демонстрируя тем самым "необычайную способность создавать ориентированные на человека и действующие на низовом уровне институты в крайне неблагоприятных обстоятельствах". Он считает, что местные рабочие группы, интеллектуалы и маргиналы, создавшие контркультурную оппозицию, уходят корнями в девятнадцатый век; "традиции крестьянства и интеллигенции... лежат в основе тех форм общины, которые сохранились и в современном Советском Союзе". (*The Awakening of the Soviet Union, 1991;* Peter Reddaway "The End of the Empire", *The New York Review of Books, 7.11.91)*

Даже проблемы инфраструктуры и экономики, по крайней мере отчасти, являются результатом сопротивления работе, отказа работать, а не просто неудачей "социализма" или бюрократии. (В военно-промышленном и космическом комплексе, где подобный отказ мог бы привести к более строгим наказаниям и репрессиям, машина работала достаточно эффективно. Неэффективность гражданских отраслей стала формой пассивного саботажа или классовой войны, частью негласного общественного договора, неизбежной ответной реакцией общества.

В обществе в целом население медленно, но неумолимо жало на тормоза; когда это соединилось с определенным недостатком воли со стороны правящей элиты, власть начала разваливаться. Возможно, даже репрессии перестали действовать столь же эффективно, как раньше. Это можно отнести к аспекту кастовой или классовой борьбы, еще более обострившейся с войной в Афганистане и сопутствовавшим ей ростом контркультурного движения против войны, за ядерное разоружение, экологическую справедливость, свободу слова, демократию и культурную автономию (включая националистические движения за независимость). Многие представители западных стран отмечали схожесть движений в СССР в восьмидесятые годы и в США в шестидесятые. Развал власти был одновременно причиной и следствием советского "афганского синдрома".

В результате возник своего рода осторожный отказ на одном полюсе власти и недостаток воли на другом, которые зачастую усиливали друг друга. Недостаток решимости одной из сторон ободрял другую. Никто не мог себе представить куда все это приведет, хотя диссидентам - людям, которые просто хотели знать куда, например, делся дядя Ваня после того, как он попал в руки "рабочего государства" - верила достаточно боль-

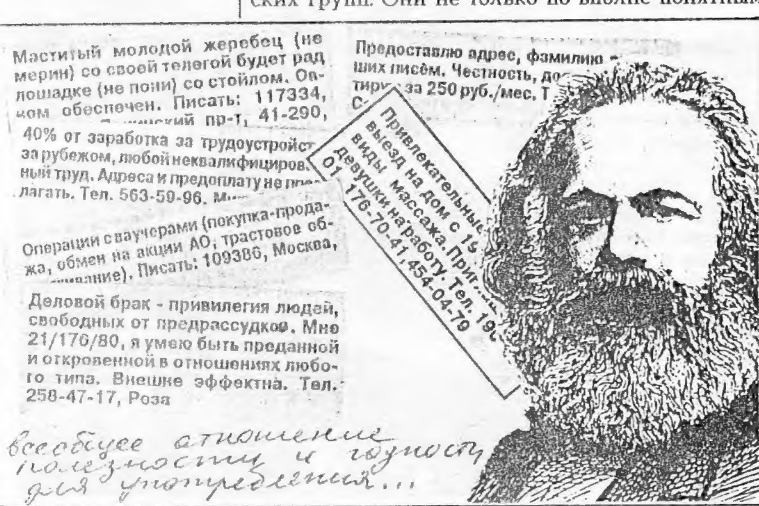
шая часть населения. Люди совершали свои личные и коллективные акты отказа без ясных определенных целей, менее всего желая создать корпоративный капитализм западного образца. Они были более склонны к некоторому варианту "социализма с человеческим лицом". Они не выступали за какие-либо определенные программные изменения, скорее - просто против того, как власть и всеобщее рабство разрушали их собственную жизнь. (They Just Said 'No', *Fifth Estate, Winter 1990-91*) Однажды заметив нерешительность властей, они больше не отступали.

Это, а не только преданность Наполеону Ельцину, объясняет, почему люди (как бы мало их ни было) вышли к зданию парламента в августе 1991 года. Сценаристы путча были столь же заинтересованы в продолжении приватизации, как Ельцин и его банда - но только при сохранении собственной власти и привилегий. Они хотели сохранить существовавшее единство военно-промышленно-полицейского аппарата и были уверены в том, что грядущий союзный договор означает их гибель и дальнейший распад империи. Но было поздно: отказ распространился и в их рядах. Люди не слушались приказов. Среди тех, кто противостоял танкам, возможно, были и верные ельцинисты, но большинство людей должно быть просто хотело бороться против "старой гвардии" и за распад.

Кто-то разбогатеет. Кто-то подхватит холеру. Это в конце концов то, что сделало Америку великой.

Многие попросту игнорировали и Ельцина, и путчистов. Рабочие, в большинстве своем не бастовали, и в нескольких кварталах от вооруженных столкновений люди жили своей обычной жизнью. (Некоторые семьи по очереди стояли в очередях за продуктами и на баррикадах.) В каком-то смысле это тоже отражало нежелание участвовать в политических играх. Ненависть и презрение ко всякого рода политикам - наиболее распространенное чувство среди населения.

Была, конечно, и значительная поддержка путча - реакция традиционалистов, желавших восстановления "закона и порядка". Среди них были не только русские националисты, носящие на митингах портреты Сталина, но и люди, которые видят, что условия их жизни стремительно ухудшаются, в то время как бывшие коммунистические бюрократы и прочие обогащаются за счет остального общества. Поскольку все сторонники репрессий, независимо от того, находятся они у власти или нет, больше всего на свете ненавидят "вакуум власти", они активно рекрутируют себе сторонников. Это относится ко всем, начиная от реорганизуемой компартии и других левых партий, до национальных и религиозных групп, фашистов, мафии и даже кришнаитов. Почти бесполезно искать следы присутствия тех сил, которые сыграли огромную роль в гуманизации общества и последовавших за этим изменений - например, экологических и миротворческих групп. Они не только по вполне понятным причинам не попадают на страницы западной прессы, но сам вихрь истории похоже оттеснил их на обочину. (The Anarchist Spectre in Eastern Europe, *Fifth Estate, Winter 1990-91)*

Тем не менее, перемены в значительной степени отразили дворцовый переворот элиты. Видя возросшие трудности в продвижении по старому пути, часть сталинистской бюрократии предпочла не сопротивляться переменам. Для них было предпочтительнее столкнуться с переходом экономики к системе, более интегрированной в глобальный капитализм, но с ними во главе, чем разделить судьбу некоторых своих товарищей в Польше, Восточной Германии и Румынии. За этим последовало создание атмосферы всеобщего пиратства, в которой маленькие мафии являются лишь отражением больших, а продажа якобы общественной собственности совместным предприятиям и создание новых концернов преследуют цель сохранить власть и контроль в руках коммунистической бюрократии.

"Демократия" - это ключевое слово, означающее свободу макдональдизации. "Демократия" - это козырная карта в игре на большие ставки, чтобы удержать власть и привилегии. Вслед за Ельциным с его правыми тайными советниками-технократами, все повторяют риторику "свободной рыночной демократии", достойную членов консервативного Ротарианского клуба, (столь же рьяно заботящихся о правах личности и социальном благополучии). Распространено мнение о том, что только быстрый, 500-дневный переход к капитализму, столь же деликатный, как и сталинская коллективизация крестьянства, - своего рода "шоковая терапия", как ее окрестили в прессе, - сможет поставить бывшую империю в один ряд со всем остальным миром... то есть с Третьим миром и жестоким миром гетто американских городов. И все, начиная от Ельцина и кончая продавцом из коммерческого киоска, призывают население жертвовать ради этого латиноамериканского рая. Кто-то разбогатеет. Кто-то подхватит холеру. Это в конце концов то, что сделало Америку великой.

Конфликт между Ельциным и Горбачевым, или между ними и незадачливыми августовскими заговорщиками, не был противостоянием тоталитарного социализма и демократии. Ельцин с самого начала был партийным бонзой, им он и остался. Он рассчитывает сохранить собственный военно-промышленно-полицейский аппарат, чтобы использовать его против своих противников на Украине и в Татарстане, и для подавления забастовок. Какое национальное государство обходится без этого? Все это ярко продемонстрировал проведенный им контр-путч, которым он управлял из своего кабинета в здании парламента, откуда он запрещал партии, закрывал газеты и брал на себя дополнительные полномочия, как и его противник Горбачев.

В октябре (1991 г. - перев.) Ельцин потребовал чрезвычайных полномочий, чтобы начать радикальные экономические "реформы", ограничить политическую активность, управлять с помощью указов и запретить все выборы в Российской Федерации до конца 1992 года. Он также создал специальный орган, имеющий право налагать вето на все административные решения и отменять решения Верховного Совета, и назначил в него своих людей. В припадке тщеславия и раздражительности он даже приватизировал квартиру Горбачева в Москве сразу после его отставки в декабре и переехал в резиденцию бывшего президента еще до того, как тот успел забрать свои вещи. (Abraham Brumberg, "The Road to Minsk", *The New York Review of Books, 1.30.92)*

Путч и контр-путч на самом деле были борьбой между различными группировками элиты. Как заметил историк Джеймс Петрас, "реальный конфликт был и остается конфликтом между

отмирающей патронажной машиной контроля, контролируемой партийными бюрократами, и нарождающимся классом профессионалов, ориентирующихся на превращение государства в машину для приватизации национальных богатств, обеспечивающую привилегии и льготы для владельцев частных предприятий, особенно зарубежных - в частности, за счет продажи огромного количества энергетических ресурсов".

Для большинства населения это будет означать "десятилетия жертв ради рынка" - не слишком заманчивая перспектива. "Проблема для рыночников состоит в том", - продолжает Петрас, - "что капиталисты не хотят делать долгосрочные инвестиции, которые могли бы реорганизовать экономику и заменить разлагающийся бюрократический аппарат. И до тех пор, пока правящая элита не будет иметь жесткого контроля над обществом, иностранные инвесторы будут делать крупные долгосрочные инвестиции лишь в некоторые стратегические секторы экономики. Результатом этого, вероятнее всего, станет экономический каннибализм, при котором каждый управленец возьмется лишь за свою часть дела, обрекая экономику в целом на состояние хаоса". ("Decades of Sacrifice for Free Market?", *The Guardian, 9.11.91)*

Националистические политики в республиках ничем не лучше. Например, в Узбекистане аппарат компартии, прочно держащий власть в своих руках, объявил о своем намерении следовать "китайской модели". В Грузии сейчас вообще не говорят об экономических реформах, поскольку там идет гражданская война, вызванная тем, что сначала президентом был избран национал-фашист, а потом его сбросили. Прибалтийские, украинские, русские и другие националисты угрожают друг другу в различных регионах, где люди разных национальностей долгое время жили относительно мирно. Поднимают голову антисемитизм и великорусский шовинизм. По данным Хельсинской группы, общество все более милитаризуется, "в десятках регионов введено военное положение" и уже более тысячи человек убито в столкновениях между различными группировками. Призрак Югославии - Югославии с ядерными боеголовками, как зловеще охарактеризовал бывший СССР госсекретарь США Джеймс Бейкер, - витает над обществом. Даже Ельцин теряет опору по мере того, как набирает силу фашизм и военные выказывают свое нетерпение.

А поскольку общественный хаос и сопротивление угрожают плавному переходу к статусу колонии, многие будут приветствовать военный переворот - в особенности русские националисты и некоторые управленцы, которые выступают за приватизацию "железной руки", обещанную августовской хунтой. Как писал один обозреватель в "Правде" в начале января (1992 г. - перев.), если недавно сформированные левые партии, заявляющие о том, что они представляют интересы трудящихся, не смогут ограничить социальную нестабильность, вероятны два варианта - "всеразрушающий стихийный бунт низов или переход к фашистским методам правления верхов. Элементы обоих сценариев уже налицо". ("Что там на левом фланге?", *Правда, 6.01.92)*

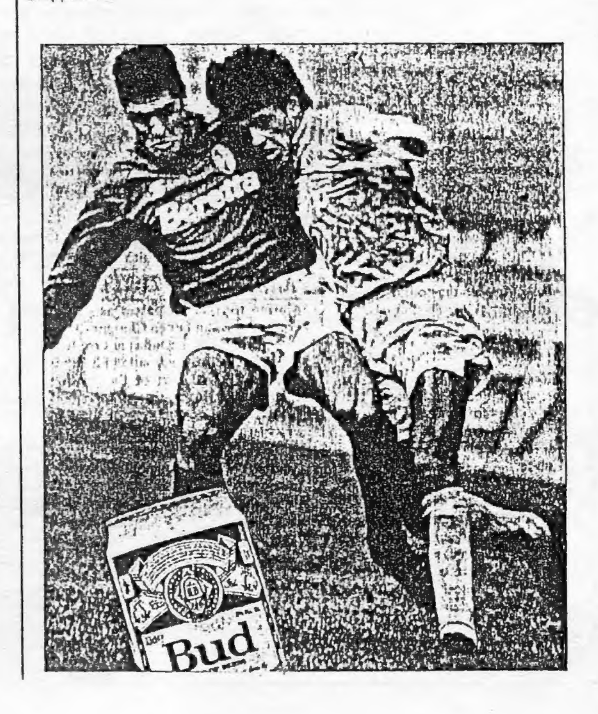
"Центристский" военный переворот может быть поддержан не только различными элементами в бывшем советском обществе, но и западными правительствами, банкирами, военным командованием и политиками. В конце концов, как показал опыт, бизнес можно делать и с сильными личностями вроде Пиночета и Саддама Хусейна. И именно бизнес является приоритетом. Ни одна из группировок правящей элиты, - как на Востоке, так и на Западе, - не поддерживает идею о возвращении к временам, предшествовавшим распаду сталинской империи, несмотря на фантазии неудачников, ходящих на демонстрации с портретами Сталина и Ленина. Перестроившимся сталинистам нужен Запад, чтобы высунуть голову из засосавших их зыбучих песков, потому что даже "всеразрушающий стихийный бунт низов" не сможет восстановить их индустриальную машину.

В интересах самого Запада поставить русских на ноги, пусть даже на уровне Мексики и Бразилии, где народные выступления происходят каждые две недели, а эксплуатация этих стран беспрепятственно продолжается. Как и во времена "холодной войны", когда противостоявшие блоки угрожали друг другу уничтожением, с ракетами наготове, стабильность сейчас важнее всего, особенно теперь, когда Восточный блок может угрожать не только относительному социальному миру, но и самому существованию Западного блока.

Конечно же, одной из основных причин, почему путча до сих пор не произошло, является возможность того, что он, как и всякая попытка авторитарного ответа на события (а возможно вообще любая попытка связного ответа на события), будет затянут в черную дыру пост-имперского вихря. Расколется ли армия по национальному признаку или состоящий в основном из русских офицерский корпус увязнет (как в мега-Афганистане) в попытках остановить беспорядки и националистические устремления в республиках?

Так называемое Содружество Независимых Государств - это тяжкий урок неправильно истолкованных намерений и непредвиденных последствий. Республики уже борются за право распоряжаться различными частями вооруженных сил. Это заставило одного из адмиралов предупредить о том, что этот процесс может стать "миной замедленного действия". Гражданская война? Югославия с ядерными боеголовками? Во время переговоров командующий стратегическими силами на Украине генерал-майор Владимир Башкиров с усмешкой напомнил бывшему сталинисту, ставшему теперь националистом и президентом Украины, Леониду Кравчуку о том, что у него в дивизии ядерных кнопок больше, чем у президента. "Так что лучше со мной быть поосторожнее". *(New York Times, 1.10.92)*

"Театр, как и чума, это кризис, который разрешается смертью или излечением", - писал Антонен Арто. В пост-имперском театре жестокости (впрочем, как и в имперском) излечения не предвидится.

В то время как в обыденной жизни любой лавочник отлично умеет различать между тем, за что выдает себя тот или иной человек, и тем, что он представляет собой в действительности, наша историография еще не дошла до этого банального познания. Она верит на слово каждой эпохе, что бы та ни говорила и ни воображала о себе.
К.Маркс, Ф.Энгельс "Немецкая идеология".

Вещи редко таковы, какими кажутся. Эпоха наследует язык, который в свою очередь становится мистикой, фальсификацией. Так, ранние христиане, отвернувшись от разваливающегося колосса Римской империи, использовали антиимперское учение своего пророка, чтобы построить новый имперский Град Божий.

То же произошло и в эпоху всемирно-исторической борьбы между капитализмом и коммунизмом. Видимость скрывала реальность; революция против капитализма только придала последнему новую форму. Коммунисты не были коммунистами, а свободный мир не был свободен.

Политическая типология служила интересам иерархов и их слуг в обоих лагерях. Подлинная роль сталинской аристократии, выполнявшей функции управленцев в новой гибридной государственной разновидности капитализма, скрывалась под маской революционности, что позволяло ей получать огромные жертвы квази-религиозного характера как от тех, кто жил при этом режиме, так и от тех, кто его поддерживал за рубежом. Всякий раз, когда ставились под сомнение грабительская империалистическая политика и военные авантюры, старые правящие классы на Западе оправдывали их с помощью дьяволоподобного внешнего врага. Это была изящная, хотя и жестокая система, которая продержалась почти столетие.

То, что два блока были схожи друг с другом по сути, вовсе не означало, что их интересы не были противоположны. На протяжении всего этого времени Запад постоянно пытался (с помощью политики союзов и различных экономических мер) подорвать позиции и свалить своих противников в самозванном социалистическом мире. Отчасти это объяснялось тем, что все империи беспощадно борются между собой за господство. Но у сил частного капитала были и более глубокие причины выступать против формальных отношений собственности в государственно-капиталистических режимах. Запад хотел вновь открыть эти страны для межимпериалистической эксплуатации и положить конец революционной мистике, с тем, чтобы возбуждаемые ей националисты в колониях не препятствовали спокойному накоплению капитала.

Но окончательное крушение советского режима было отчасти результатом семидесятипятилетней войны против государства, которое, несмотря на неисполненное обещание построить рай для трудящихся, все же фактически ликвидировало традиционную иерархию, и тем самым повергло в трепет правителей на Западе точно так же, как известия о гильотине во Франции повергли в трепет английских и русских богачей в конце XVIII века. Угнетатели, также как и миллионы угнетаемых во всем мире, верили коммунистам на слово. Действительно, любой вызов существующей власти автоматически клеймился как коммунистический, и с ним расправлялись безжалостным железным кулаком.

"Холодная война" лишь усилила и "оправдала" то, что было по сути войной, объявленной Западом любым бунтовщикам, угрожавшим провести национализацию, подобно большевиками в двадцатые годы, а также режимам, которые готовы были сотрудничать с подобными националистическими выскочками. Эта непрекращавшаяся институционализированная кампания превратила западный реставраторский проект почти в настоящую культуру. Паранойя, грубое давление, конформизм и строгая дисциплина обеспечивали подчинение империи и социальный мир дома, в то время как величайшая в истории гонка вооружений (тесно связанная с продолжающимися кровавыми банями на так называемой периферии) обеспечивала господство в новых колониях, возникших после мировой войны, позволяла сохранить военно-промышленный комплекс в качестве основы экономики и заставить своих государственно-капиталистических противников нести бремя обеспечения социально и экономически дорогостоящей обороны. Эта гонка вооружений и сыграла решающую роль в смерти сталинистского режима.

Президента Рейгана как-то спросили, отразится ли стратегия доведения России до кризиса на и без того ослабленной экономике Соединенных Штатов. "Да, - ответил он, - но они разорятся первыми". (M.Kaku, "No Milk and Honey in the Soviet Future", *The Guardian, 9.11.91)* В действительности именно так и произошло. Американская экономика стала разрушаться, всего на несколько шагов отставая от своего противника. Всего на военные расходы с 1949 по 1989 года было израсходовано 8.2 триллиона долларов (в ценах 1982 года). Как отметил один из комментаторов, "Это больше денег, чем потребуется для того, чтобы заменить все созданные человеком машины и структуры по всей стране". (Moris Gleicher, "America In Decline", *Detroit Metro Times, July 24-30, 1991)* Американский капитализм не может просто сократить военный бюджет, поскольку это разрушит всю экономическую систему в целом. Как кто-то однажды сказал, у США нет военной машины, США - это и есть военная машина.

Но все же несмотря на различия между двумя противостоявшими друг другу блоками, Советский Союз был всего навсего худшей разновидностью частного капитализма, единственным путем развития, доступным более бедным странам, отставшим в гонке за рост производства. А поскольку это была именно худшая разновидность, что-то вроде слабого звена в цепи, каким возможно была Россия в 1917 году, и поскольку новые социально-экономические структуры не могли ни вернуться на свои прежние позиции колонии, ни подняться до уровня конкурентноспособной империи, она стала жертвой баснословно дорогой гонки вооружений и углублявшегося международного экономического спада, который подталкивал все слабые национальные экономики к грани банкротства. Когда государства Восточной Европы начали одно за другим падать под натиском вампиров из Международного Валютного Фонда и Мирового Банка, финал было легко предугадать.

Экономический застой и слабость рубля, низкая производительность и социальная нестабильность, вызванная противостоянием в Афганистане, экологическая деградация и другие неприятности, соединенные вместе, подталкивали СССР по направлению к свалке истории. Но это была, если быть точными, не революция и не контрреволюция. Только незначительная часть собственности сейчас находится в руках частных владельцев, и примерно та же самая каста находится у власти, с небольшими вкраплениями (обычно полезными для любой властной структуры) критиков и реформаторов извне. Если бы СССР был марионеткой в руках США, а не их противником (вроде Саддамма Хуссейна, Маркоса или хунты вроде сальвадорской), туда бы направили большие займы, а заодно и ЦРУ, чтобы обезвредить тех, кто может создать неприятности. Этого, конечно, не случилось, а все остальное сделало телевидение.

Все же несмотря на различия между двумя противостоявшими друг другу блоками, Советский Союз был всего навсего худшей разновидностью частного капитализма, единственным путем развития, доступным более бедным странам, отставшим в гонке за рост производства.

Ключевое значение принадлежит содержанию общества - иерархии, государству, отчуждению, производству, - а не его формальным претензиям.

Итак, падение коммунизма и триумф капитализма стали официальной имперской историей в том виде, в каком ее задумали, совершали и направляли победители. И победители - вовсе не простые люди из двух блоков, чьи условия жизни ухудшаются по мере того, как международный капитал реорганизуется на основе еще более эксплуататорского "общественного договора", а класс или каста иерархов, которые управляют и получают доход от международного накопления капитала, как на Востоке, так и на Западе. И если мы хотим когда-нибудь все-таки понять эту эпоху, мы должны отказаться от узкого понимания капитализма, служившего правителям обоих блоков, ради более широкого.

На самом деле, ограничиваться юридическими вопросами собственности и тем, как иерархически организованные общества называют себя, значит совершать грубую формальную ошибку, хотя у идеологий на Востоке и Западе были причины отрицать это. Современный государственный социализм был лишь проявлением капитализма, которому он, по собственному определению, пришел на смену. Капитализм и социализм должны рассматриваться антропологически и исторически, без покрова идеологических мистификаций. Лишь таким образом мы сможем понять не только различия между блоками, но и их функциональное сходство. Что же капиталистического было в социализме?

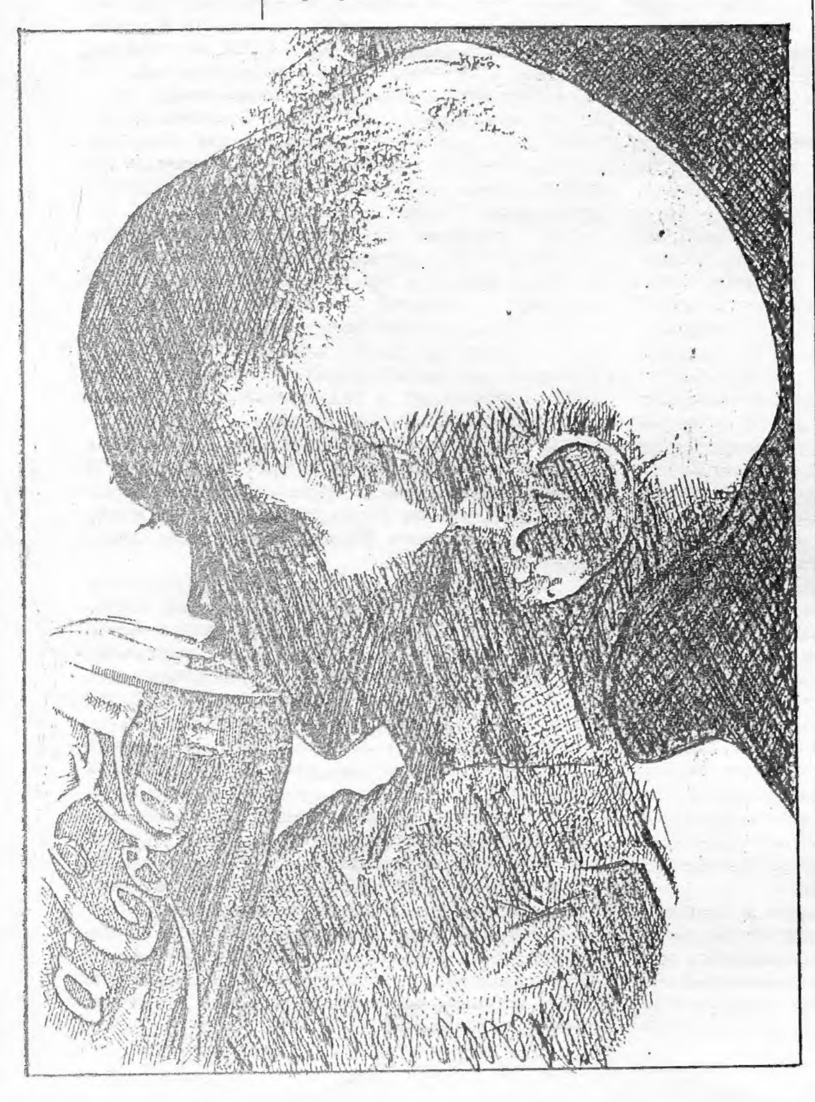
Корнелиус Касториадис писал в 1977 году, что общественный строй в Советском Союзе лучше описывать как "тотально-бюрократический капитализм" в отличие от частного "фрагментарно-бюрократического капитализма", существующего на Западе (хотя "тотальный" вовсе не означает, что внутри него не было антагонизмов и внутренней оппозиции). Это было (и остается) "ассиметрично и антагонистически разделенное общество - или, если использовать традиционные термины, "классовое общество", - в котором господствует определенная социальная группа, бюрократия".

Это господство, продолжает Касториадис, "находило свое конкретное выражение в экономической эксплуатации, политическом подавлении и умственном порабощении населения" в интересах бюрократии. Эксплуатация - извлечение стоимости из природы и человеческого труда для последующего реинвестирования в бизнес и для обогащения правящей группы - вытекает из антагонистических отношений в сфере производства, "основанных на разделении на управляющих и управляемых", отличающемся от формальных или юридических отношений собственности. Является ли управляющий предприятия его владельцем, или он распоряжается им от лица абстракции, называемой государством (на самом деле являющемся всего лишь клубом для богатых, к которому принадлежит он и его шайка), не имеет значения. Результат одинаков как для него самого, так и для тех, кто работает под его началом.

"Являясь субъектом отношений "найма", как и все другие трудящиеся классы", управляемые "не контролируют ни средства, ни продукт труда, ни свой труд как работников". Они продают свое время, свои жизненные силы и саму свою жизнь бюрократии, которая распоряжается ими в соответствии с собственными интересами". Бюрократия использует те же основные методы, что и частные капиталисты на Западе, для увеличения прибавочной стоимости, которую она присваивает, и для сокращения как доли, получаемой работником, так и тех небольших кусочков независимости, которые могут существовать на рабочем месте, с помощью различных управленческих техник и технизации труда.

То, что система называет себя социалистической, ничего не значит. Ключевое значение принадлежит содержанию общества - иерархии, государству, отчуждению, производству, - а не его формальным претензиям. Столь же важно рассматривать содержание капитализма в культурном срезе, а не только узко в терминах производственных отношений. Основным, по мнению Касториадиса, является то, что:

"Режим в России в общественно-историческом плане является частью мира капитализма, потому что магма общественно-значимых понятий (или идеология), которая оживляет его структуры и реализуется через него, является тем, что привнес в историю капитализм. Сущность этой магмы может быть описана как неограниченное расширения "рационального" господства. Конечно, проблема состоит в том, что это господство и абстрактная псевдорациональность во многом иллюзорны. Это понятие составляет центральное средоточие идей, которые становятся движущими силами и процессами, определяющими функционирование и развитие капитализма: неограниченное развитие производительных сил, одержимость идеей "развития", псевдорациональным "техническим прогрессом", производством и состоянием "экономики", "рационализацией" и контролем за всеми видами деятельности, все возрастающей сложностью разделения труда, универсальным измерением, подсчетами и планированием, организацией, как самоцелью, и т.д. Этому соответствуют институционализированные формы предпринимательства, бюрократически-иерархический аппарат, современное государство, партии и т.д. Многие из этих элементов - институциональные понятия и формы - складываются в ходе исторических периодов, предшествовавших капитализму. (И здесь приходят на ум

Рынок, государство и, в конечном счете, индустриализм выросли одновременно как взаимосвязанные аспекты одной и той же общественной системы.

Марксисты свято верили в то, что составляло "магму" капиталистической идеологии. Отказываясь от вторичных признаков капитала, они радостно принимали идеологию развития, промышленность, производство, технологию и "рациональное господство".

описанные Льюисом Мамфордом предшественники современного капитализма в древних рабовладельческих государствах-мегамашинах. - Д.Б.) Но именно буржуазия, по мере своего развития в капиталистическую буржуазию, изменяет их функции и объединяет их с концепцией неограниченного расширения рационального господства (впервые сформулированная Декартом, эта идея была одной из центральных для Маркса, и это показывает, что его идеи всегда уходят своими корнями в капиталистический мир)... ("The Social Regime in Russia", *Telos 38, Winter 1978-79)*

Очевидно, что капитализм не является одномерным феноменом, которым его пытаются представить левые и правые. Он вырос из своих "классических" корней не только как все возрастающая способность буржуазии повсеместно ввести торговлю и обмен через труд по найму, но он был тесно связан с культом ограниченной рациональности и эффективности, подъемом науки и технологии, усилением централизованного государства и материализацией и квантификацией культуры.

Поэтому капитализм не только "огромное скопление товаров", но и еще более важно, то, что стоит за этим: общественные отношения, делающие возможным это скопление. Перефразируя Жака Каматта можно сказать, что капитал это не способ производства, как его определял Маркс, а способ существования. *(The Wandering of Humanity, 1975*; см. также Freddy Perlman, *The Reproduction of Daily Life, 1972)* Этот способ существования, общий и для капитализма и для социализма, сильно отличается от всех других форм человеческих сообществ, от обществ, не имеющих письменности или обществ, обеспечивающих лишь минимальный уровень выживания, которые ему предшествуют и в которых фундаментальными мотивами были не экономические и инструментальные, а коммунальные (общинные), культурные и духовные. (Хотя, опять же, экономические мотивы проявлялись и в этих ранних классовых обществах, где отношения между родственниками или даже между врагами - становились отношениями чужаков, основанными на экономическом обмене.)

Для начала капитализм заменил общества, обеспечивавшие минимум выживания (то есть по сути неэкономические общества), рынком. Экономические отношения и торговля, "в лучшем случае игравшие подчиненную роль по отношению к другим аспектам жизни", говоря словами Карла Полани, стали центральными. "Механизм, приведенный в действие мотивом наживы, был сравним по силе своего действия лишь с самыми насильственными взрывами религиозного пыла в истории", - пишет он. "На протяжении всего лишь одного поколения весь человеческий мир стал объектом его концентрированного влияния". *(The Great Transformation, 1957)*

Рынок, государство и, в конечном счете, индустриализм выросли одновременно как взаимосвязанные аспекты одной и той же общественной системы. Хотя рынки существовали и до эпохи подъема капитализма, они были, как показывает Полани, "в основном... соседскими" и "нигде не было видно следов того, что они подчиняли себе господствующую экономическую систему (то есть систему, основанную на независимости и обеспечении минимума, необходимого для выживания)". По существу, "внешняя торговля в Западной Европе была создана вмешательством государства". То же относится и к индустриализму, навязанному простым людям, которые отвечали на огораживания и фабричную систему гражданской войной, поджогами и разрушением машин. Для установления индустриального капиталистического порядка центральным властям приходилось посылать на их усмирение десятки тысяч солдат. (См. E.P.Thompson, *The Making of the English Working Class, 1963)*

Другими важными составляющими новой общественной системы были насилие и грабеж, применявшиеся в эпоху первоначального накопления - лишение земельных наделов традиционных общин в Европе, похищение и порабощение африканцев и завоевание Америки, Австралии и Азии. Массовое жестокое ограбление, ставшее ценой за индустриализацию Европы и Северной Америки, является примером того, что капиталу всегда необходимо наличие сверхэксплуатируемой колонии, зоны, приносимой в жертву. Именно эксплуатация труда и природы приносит богатство и доход, которые в свою очередь позволяют воспроизводить общественные отношения власти. Создание богатств требовало создания нищеты - сегодня этот процесс происходит, например, на границе капиталистического развития/колонизации и тех маленьких культур, основанных на самообеспечении, которые подвергаются разрушению как из-за расширения рынка и вторжения товаров, так и из-за государственно-капиталистических мегатехнических проектов, вообще уничтожающих эти культуры. (См. "Technological Invasion", *Fifth Estate, July 1982)*

Для народов, живших племенами и в деревнях, традиционное хозяйство, характеризующееся отсутствием товаров и институционализированных продуктов (и определяемое развитыми бюрократами как "нищета" и "неразвитость"), на самом деле обеспечивает достаток, в то время как богатство, достигаемое с помощью капиталистических инвестиций, промышленного развития и бюрократической институционализации доводит подавляющее большинство населения до нищеты и бедствий. "Чем больше товаров и денег, тем меньше жизни", - пишет экофеминистка Вандана Шива, - "в природе (из-за экологического разрушения) и в обществе (из-за отрицания основных потребностей)". Современный мировой продовольственный кризис это то, что мы имеем сегодня, но его корни лежат в изначальном движении огораживания, работорговле и раннеколониальной экспансии, которыми сопровождалось возникновение современного капитализма. (См. Vandana Shiva, *Staying Alive: Women, Ecology and Developement, 1989;* Ivan Illich, *Tools for Conviviality, 1973,* and *Shadow Work, 1981*; Sylvia Winter, "Ethno or Socio Poetics" in *Alcheringa: Ethnopoetics,* edited by M.Benamou and J.Rothenberg, 1976)

Государство всегда играло центральную роль в развитии капитализма, но особенно ярко это проявлялось начиная со второй половины XIX века. К тому времени, по мнению Джеймса Петраса, во всех случаях, когда наблюдалось развитие национального капитала, "имели место широкомасштабные государственные инвестиции в большинство, если не во все основные секторы экономики на различные периоды времени". Отчасти это объясняется тем, что к этому времени мировой капитал достиг нового уровня и приобрел иной характер по сравнению с эпохой первоначального накопления в Европе. Ни одна из стран не могла создать солидный национальный капитал без государственной стратегии.

В колониальном мире, состоявшем из слабых стран и старых империй, отставших от развитых капиталистических стран, слабая, колеблющаяся национальная буржуазия (которую Петрас называет "люмпен-буржуазией") служила посредником для международного капитала, управляя своими странами, принесенными в жертву колониальным силам. В этих странах тонкий средний слой (мелкая буржуазия) рождал якобинскую элиту, которая была способна возглавить войну за национальную независимость, целью которой было создание национализированного капитала под эгидой пост-революционного государства.

Все критики различных форм капитализма склонны оставлять в тени то, что имеет особенно важное значение: переход стоимости к состоянию, когда она становится полностью независимой. Этот переход представляет собой движение от стоимости, как абстрактной количественной характеристики, возникающей из производства товаров, к стоимости, как некоей объективированной вещи в себе, ради которой производятся товары и в соответствии с которой оцениваются все действия людей.

Иногда в этих странах складывалась смешанная экономика (как в Мексике в первые десятилетия после революции), иногда развивались бюрократические национализированные формы собственности (как в СССР и Китае). Эти движения за национальную независимость принимали социалистические формы: однопартийное государство, государственная собственность и планирование в ключевых отраслях промышленности и социалистическая (популистская) риторика и идеология. Хотя Петрас рассматривает лишь так называемые радикальные националистические государства, которые использовали "социалистические формы" для достижения капиталистических целей, "а именно, реализации прибыли в обществе", это описание подходит и для социалистического блока, где классовое общество реализовало прибыль (через извлечение прибавочной стоимости) для государства и для проектов и привилегий правящей бюрократической касты или класса". ("State Capitalism in the Third World", in Petras, *Critical Perspectives on Imperialism and Social Class in the Third World, 1978)*

Таким образом, мы видим, что лидеры из образованного среднего класса (а в определенном смысле де-класса), обычно составляющие кадры марксистских партий, используют марксистские рассуждения для проведения проектов индустриального развития, производства товаров и накопления богатства там, куда раньше они не могли проникнуть. Используя социалистическую идеологию они заложили основы для капитализма, экспроприируя не только старые классы, но и традиционные общины, и создавая внутренние колонии (в регионах, населенных этническими меньшинствами, в лагерях-гулагах, где использовался рабский труд; сюда же можно отнести и сверхэксплуатацию рабочих на благо "социалистической родины"), чтобы последние играли ту же роль, какую играли внешние колонии и рабство во время первой волны образования частнокапиталистических стран.

Марксисты свято верили в то, что составляло "магму" (говоря словами Касториадиса) капиталистической идеологии. Отказываясь от вторичных признаков капитала (частнособственнические формы, характерные для других периодов и других стран), они радостно принимали идеологию развития, промышленность, производство, технологию и "рациональное господство". Для них капитализм был революционен и прогрессивен постольку, поскольку он разбивал традиционные оковы, которые их чувство колониальной неполноценности (и, давайте будем честны: их возмущение несправедливостями капитализма) заставляло отвергнуть, как "отсталые". Но социализм был даже лучше, поскольку он мог достичь того, что буржуазное общество лишь обещало. Стремление освободить "средства производства" от частнокапиталистических оков, и тем самым расширить производительные силы, сделали марксизм, по меткому выражению Жака Каматта, "подлинным созданием капиталистического способа производства". У буржуазных и марксистских кадров было одно и то же ложное сознание. "Исторический материализм - это прославление скитаний, в которые человечество ушло на более чем столетие: рост производительных сил как необходимое условие освобождения". (Camatte, The Wandering of Humanity, Detroit, 1975)

Джанни Коллу, сотрудник Каматта, выразил это иначе. Все критики различных форм капитализма склонны оставлять в тени то, что имеет особенно важное значение: "переход стоимости к состоянию, когда она становится полностью независимой". Он продолжает: "Этот переход представляет собой движение от стоимости, как абстрактной количественной характеристики, возникающей из производства товаров, к стоимости, как некоей объективированной вещи в себе, ради которой производятся товары и в соответствии с которой оцениваются все действия людей. Традиционные "левые" (как старые, так и новые) не оспаривают эту систему стоимости, их не устраивает лишь неспособность капитализма преодолеть мелкие раздоры в производстве и общественных отношениях. Они видят, как и буржуазия, что эти раздоры препятствуют плавному движению общества к состоянию, где над ним безраздельно господствует стоимость, к обществу, где все вещи могут быть количественно оценены, где количество убивает качество. Коль скоро левые критикуют не производство стоимости, а то как эта стоимость производится, они стремятся к тому же, к чему стремится буржуазия: чтобы производство стоимости было все более эффективным". ("Transition", 1969, translated and reprinted in Ideas for Setting Your Mind in a Condition of Dis*ease, Falling Sky Books, no date.)

В Восточном блоке старая шутка объясняла, как можно доказать, что Восток был социалистическим, а не капиталистическим - на деньгах был изображен Ленин. (Даже это сейчас меняется. Чей лик теперь украсит банкноты - царя? банкира? исторического памятника, разрушаемого кислотными дождями? животного, обреченного на исчезновение?)

Социализм оказался разновидностью капиталистического развития, хотя и не перманентной: теперь возможно будут возрождены "классические" колониальные формы. В 1917 году старая форма уступила место новой. В 1991 году эта форма сменилась другой. Первая трансформация вскоре обернулась трагедией, вторая на наших глазах превращается в трагифарс. Неважно, кто или что изображено на деньгах. Это капитал.

(ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ)

СИТУАЦИОНИСТЫ И ИХ НАСЛЕДИЕ

Филлип СМИТ

На краткий миг во второй половине шестидесятых оказалось, что революция в сердце мировой капиталистической системы не только возможна, но надвигается. Хотя волны протеста периодически захлестывали мир, нигде и никогда это не проявлялось столь ярко, как весной 1968 года в Париже. Начавшаяся студенческими волнениями и радостно встреченная миллионами французских трудящихся, буря на короткое время грозила уничтожить не только казавшееся непобедимым буржуазное государство, но и онемевших от ужаса стражей революции - профсоюзы и левые партии. Парижское восстание представляло собой гигантский шаг вперед по сравнению с предыдущими попытками разрушить существующий общественный порядок, и несмотря на то, что оно потерпело поражение, в течение нескольких недель казалось, что новый утопический мир уже показался на горизонте.

В центре этого политического шторма была неприметная, но все же очаровательная организация самозванных революционеров - Ситуационистский Интернационал (СИ). Хотя СИ никогда не насчитывал больше нескольких десятков человек на протяжении всей своей короткой истории, справедливость требует признать, что именно он разжег огонь. В своей пропаганде и агитации ситуационисты предлагали критику существующего общества, которая замечательным образом отражала скуку и разочарование - отчуждение, - которое чувствовали миллионы людей в "лучшем из возможных миров". Ситуационисты держали руку на пульсе скрытого недовольства современных им шестидесятых.

Прошло более двух десятилетий с момента роспуска Ситуационистского Интернационала, и события мая 1968 года в Париже уже стали частью истории. Но несмотря на это, столь эфемерная организация с намеренно трудными теоретическими положениями, как СИ, остается, достаточно неожиданно, ярким романтическим символом революционного оптимизма шестидесятых. Возможно, возрождение интереса к Ситуационистскому Интернационалу является результатом "кризиса социализма", возможно, это реакция на нигилистическое самодовольство постмодернистских теоретиков - ублюдочных отпрысков ситуационистского радикализма, возможно, это всего лишь преходящее увлечение радикалов из кафе и следящих за новейшими веяниями студентов-искусствоведов.

Каковы бы ни были его причины, возрождение интереса к СИ - это реальность. Идеи, вдохновленные ситуационистами, все чаще можно можно встретить в некоторых "маргинальных" американских изданиях, в особенности в анархистской прессе, в частности в *Anarchy: A Journal of Desire Armed*, в журнале *Processed World*, издающемся в Сан-Франциско радикально настроенными "белыми воротничками", и в авангардных артистических движениях неоистов, плагиаристов, *Art Strike crowd*. Кроме того, Ситуационистскому Интернационалу уделено много места в книге Грейла Маркуса *Lipstick Traces: Secret History of the Twentieth Century (Harvard Univercity Press, 1989)* и в книге Сэди Плант *The Most Radical Gesture: The SI in a Post-Modern Age (Verso, 1992)*, ставшей первым академическим исследованием ситуационистской мысли. Доброжелательный критический обзор Плант, конечно же, вызовет рост интереса к идеям ситуационистов.

В наши дни, когда даже разговоры о социал-демократии - не говоря уже о более радикальных общественных трансформациях - звучат утопически, возрождение ситуационистов представляет собой здоровый отказ от соблюдения статуса кво, или по краней мере нежелание удовлетворяться его вечным господством. Как мы увидим, ситуационистская теория абсолютична, чиста, максималистична, бескомпромиссна в своем отрицании существующего порядка, и поэтому столь привлекательна для тех, кто находится в радикальной оппозиции существующему положению вещей.

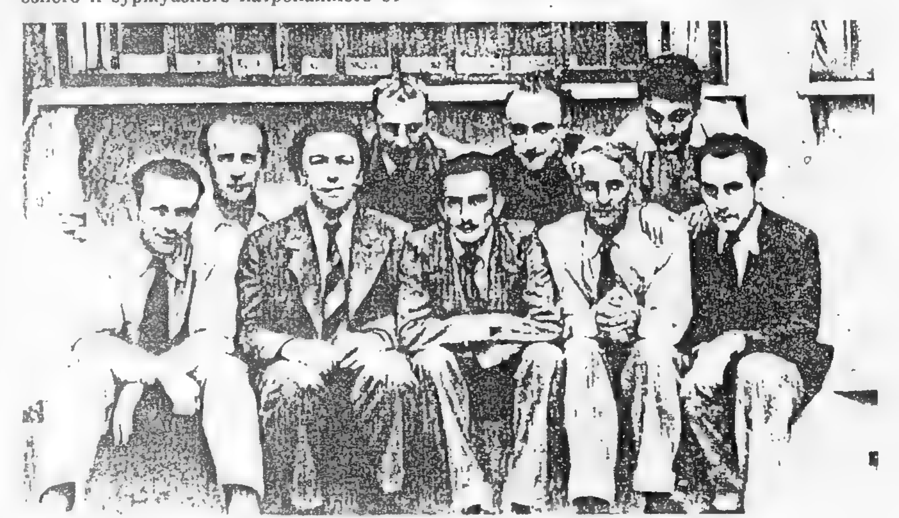
Но какое значение, кроме обращения к недовольным интеллектуалам, имеют для нас взгляды ситуационистов на исходе тысячелетия? Можно предположить, что их неотступная критика и бескомпромиссный радикализм сослужили хорошую службу благородной традиции бунта, отмечая достижения как теории, так и практики, которые все еще актуальны сегодня. Ситуационистская теория требовала основательного анализа, и, что столь же важно, проверки его в повседневной жизни. Это уже само по себе выделяет ситуационистов, но их радостная игривость делает их исключительными, а траектория их движения включает моменты, потрясшие самые основы современного капиталистического государства.

* * *

Ситуационисты развивались внутри столетней традиции артистического и политического радикализма, выросшего из отказа от аристократического, религиозного и буржуазного патронажного отношения к искусству. Напряженные отношения между богемной культурной инновацией и буржуазным самодовольством достигли апогея с Первой Мировой войной, завершившись соединением артистического и культурного недовольства в дадаизм и сюрреализм. Умышленно принимая абсурдность, дадаизм пытался подорвать традиционные определения искусства и культуры, используя эту точку как рубеж атаки на общество, которое, по его мнению, должно было быть разрушено. Важно отметить: дадаизм, искавший спасения от нездорового мира, проявлял явную политическую убежденность. "Предстоит совершить огромную разрушительную работу" по подрыву буржуазной культуры, восклицал Тристан Тцара в манифесте дадистов 1918 года.

Несмотря на свою репутацию абсурдистов и сосредоточенность на вопросах искусства и культуры, Дада нашел свое политическое выражение, например, в восстании спартаковцев в послевоенной Германии. Пропаганда дадаистов служила подготовке грядущей революции, тем самым соединяя артистический авангард с более политически ориентированным революционным марксизмом. Но без мощного политического движения, способного совершить изменения, которых добивались дадаисты, Дада было суждено либо девальвироваться в пародию на самого себя, либо сознательно самоуничтожиться. То, что дадаисты сделали все возможное, чтобы избежать интеграции движения (в систему, как сказали бы нынешние радикалы - перев.) путем самороспуска, характеризует их с лучшей стороны.

Сюрреализм развился на обломках Дада, и его деятелям под строгим руководством Андре Бретона, предстояло заново выстроить и усовершенствовать критический проект Дада. Сюрреалисты отвергли энтузиазм, с которым дадаисты приветствовали абсурд, ради строгой дисциплины в рамках четко определенной революционной перспективы. Они рассматривали жизнь при капитализме как величайшее препятствие для достижения единства и интеграции всего человеческого опыта. По мнению сюрреалистов,

СЮРРЕАЛИСТЫ, 1925. СЛЕВА НАПРАВО: Т. ТЦАРА, П. ЭЛЮАР, А. БРЕТОН, Х. АРП, С. ДАЛИ, И. ТАНГИ, Р. КРЕВЕЛЬ, М. ЭРНСТ, М. РЭЙ.

общество, главной целью которого являлось сохранение капитала, было обречено на эстетическую нищету.

Сюрреалистский подход принял форму исследования тех видов деятельности, окружений и артистических приемов, которые освобождали бессознательное, и объединяли его с рациональным в единое целое. Автоматизм - спонтанное производство "потока сознания" - в литературе, живописи и в повседневной жизни был определяющей сюрреалистской техникой, полезной, по их мнению, для раскрытия и исследования запретных мыслей и представлений. Как в поэзии Лотреамона, так и в картинах Дали и в манифестах Бретона, нападки сюрреалистов на буржуазную культуру были попыткой разрушить нездорово рациональное общество, уцепившись за сверх-рациональное.

В добавок к разрушению через эксперименты с "рациональным приведением чувств в беспорядок", сюрреалисты пытались работать с теми, кого они рассматривали в качестве самой революционной силы своего времени - Коммунистической партией. Отношения между аппаратчиками и сюрреалистами были напряженными, и вполне понятно почему. Хотя обе группы исповедовали одну и ту же бесклассовую утопию, их взгляды на практике были очень далеки друг от друга. Поглощенность сюрреалистов удовольствием, игрой и желанием рассматривались партией как "детская болезнь", в отличие от ее собственной дисциплинированной "рабочести". Недисциплинированность и настойчивое желание сюрреалистов заниматься собственной независимой культурной деятельностью озадачивали и беспокоили лидеров компартии.

Шок, которым была Вторая Мировая война и первые проявления практики сталинизма (очевидно, имеется в виду Французская Коммунистическая партия -перев.), соединенные с декадентскими тенденциями к мистицизму и некритическому эротизму, сломали хребет сюрреалистского политического радикализма. Сознательная попытка сюрреалистов разрушить культуру изнутри, позволившая им стать художественным и литературным "движением", также отвлекала их энергию от политики. К концу Второй Мировой войны сюрреализм исчерпал себя как направление - политически и творчески, - и с распадом "официального" движения, возглавлявшегося Бретоном, европейские культурные радикалы раскололись на изолированные группки диссидентов, рассыпанные по всему континенту. Именно из этих групп десять лет спустя и возник Ситуационистский Интернационал.

* * *

Ситуационистский Интернационал вырос не только из теории авангарда, но и из французской марксистской традиции, хотя и очень неортодоксальной. Исторические обстоятельства сделали возможным это пересечение интересов авангарда и социализма. Преступления сталинизма и очевидная неудача троцкизма превратили послевоенный Париж в благодатную почву для возникновения новых синтезов. Особо важное значение для споров, которые вновь возникли в работах ситуационистов в 1960-е годы, имели идеи Корнелиуса Касториадиса и группы, возникшей вокруг журнала *Socialisme ou Barbarie* ("Социализм или варварство"), в которой некоторое время состоял и ведущий ситуационистский теоретик Ги Деборд.

Socialisme ou Barbarie откололся от господствующего направления в троцкизме из-за разногласий в вопросе о предсказанной Троцким глобальной революции, а также в качестве протеста против все возрастающего репрессивного и сектантского характера внутренней жизни Четвертого Интренационала. Касториадис также резко критиковал ленинскую идею авангардной партии, считая, что единственная политическая организация, способная преодолеть тенденции к иерархизации и интеграции в систему должна быть основана на независимом самоуправлении, рабочих советах или Советах. Рабочие советы были не только средством, но и целью общественного переустройства. Эта вера в эффективность "коммунизма рабочих советов" позднее станет отличительной чертой ситуационистской мысли, в том виде, в каком она воплощалась в жизнь на протяжении короткого периода событий 1968 года.

"Коммунизм рабочих советов", конечно, имел родословную, простиравшуюся не только к бельгийцу Антону Паннекоеку, захватам предприятий в Турине при Грамши и Советам в России, но также к анархо-синдикалистской традиции. Идея рабочих советов это один из примеров пересечения анархизма и марксизма, которым была отмечена ситуационистская теория и которое объясняет ее непреходящее значение. Идеи ситуационистов не могла сковать серая догма "научного социализма", не мог им помешать и богемный гедонизм, противящийся всякой дисциплине; напротив, ситуационисты пытались синтезировать эти две традиции в практику, которая могла бы преодолеть препятствия, до сих пор подавлявшие революционный импульс.

Ситуационистский Интернационал стал котлом, в котором пузырилось колдовское варево культурных и политических течений, вполне сознательно вступавших в прямую конфронтацию с существующим обществом. Ситуационистам оставалось только отхлебнуть побольше этого пьянящего отвара и воздать хвалу его волшебному действию.

Ситуационистский Интернационал был формально создан в 1957 году путем объединения двух взаимодополняющих, но так до конца и необъединимых течений в европейском авангарде. С одной стороны, это были революционные художники из Международного Движения за Имажинистский Баухаус (IMIB), среди которых особо выделялись датский художник Асгер Йорн и бельгийский сюрреалист Кристиан Дотремон. Бывшая обломками, оставшимися после кончины сюрреализма, эта "северная сеть" поклялась продолжать нападки на официальную культуру через поэзию, музыку, живопись и "революционную архитектуру". Она также недвусмысленно отрицала реакционные и мистические наклонности сюрреализма, высказываясь в пользу радикального коллективного действия.

Второй группой были леттристы - возникшее в Париже неосюрреалистическое течение, к которому принадлежал и будущий гуру Ситуационистского Интернационала Ги Деборд. Леттристы предлагали делать с буквами то же, что дадаисты и сюрреалисты делали со словами, используя именно их, а не более крупные части в качестве основы единого искусства, "звуковой поэзии". Леттристский Интернационал (ЛИ) настаивал не только на том, что авангард должен вырабатывать строгую критику общества, но и на том, что искусство должно "реализоваться и подавляться". Попросту говоря леттристы призывали к тому, чтобы повседневная жизнь проживалась как искусство, тем самым делая бессмысленным выделение последнего в отдельную дисциплину.

Частью реализации и подавления искусства должно было стать переустройство городской жизни. Таким образом в архитектуре и градостроительстве интересы леттристов и IMIB совпадали. Самая значительная работа по этой теме, книга Ивана Щеглова "Формула нового города", призывала к созданию экспериментальных городов и утверждала, что архитектура станет средством изменения жизни. "Мы устали от города", - писал Щеглов, а леттристы предлагали множество идей, начиная с вполне практических (чтобы метро работало ночью) и кончая цветисто-причудливыми (дать церквям превратиться в унылые руины).

В тексте, подготовленном для того, чтобы объявить о создании Ситуационистского Интернационала, Деборд набросал основные тезисы для новой организации: "То, что называется культурой, отражает и определяет возможности организации жизни в данном обществе. Наша эпоха в основе своей характеризуется отставанием революционного политического действия от развития современных возможностей производства, которые требуют лучшей организации мира". Или говоря короче, "прежде всего, мы считаем, что мир должен быть изменен", - и должен быть найден новый способ действия, поскольку все предыдущие попытки оказались неудачными.

Период с 1957 по 1962 год стал взрывом творчества ситуационистов, начиная от "индустриальной живописи" итальян-

ца Галлицио, пытавшегося разрушить рынок искусств, и кончая "модифицированными" портретами Асгера Йорна и архитектурными фантазиями Констана. Это был и период расцвета Ги Деборда и Рауля Ванейгема как теоретиков и пропагандистов. Но практическая деятельность также вскрыла идеологические трещины внутри СИ, в частности по вопросу о включении "ситуационизма" в существующий мир искусств. Бывшие парижские леттристы, вторя своей идее о "реализации о подавлении" искусства, предупреждали от возвращения движения в общее русло, требуя полностью отделиться от артистического истеблишмента, в то время как "северная сеть" настаивала на подрывной работе изнутри. Результатом стал раскол СИ в 1962 году, после которого большинство из нескольких десятков человек, составлявших движение, либо отошли от него, либо были исключены. Хотя претензии северной группы на название "ситуационистов" были не менее обоснованы, полемика и политическая ловкость Деборда и парижской клики позволили им отстоять имя.

Хотя в Ситуационистском Интернационале нашли свое выражение разнообразные утопические тенденции, отражавшие развитие как авангардных художественных течений, так и радикальной политической критики, в данной статье нас интересует прежде всего последнее. Именно после раскола между между германскими и скандинавскими "эстетами", с одной стороны, и более политизированными парижанами, с другой, ситуационистская теория достигла своего наивысшего развития. В то время как от Ситуационистского Интернационала осталось наследие, принадлежащее перу различных авторов, именно Деборд и Ванейгем были авторами основных ситуационистских текстов. "Общество зрелища" Деборда и "Революция повседневной жизни" Ванейгема определяют лицо Ситуационистского Интернационала как теоретически, так и стилистически.

ЖИЗНЬ В ЭПОХУ ЗРЕЛИЩА

Ситуационисты поставили своей целью ни больше ни меньше - вызвать социальную революцию, которая положила бы конец отчуждению человечества, причиной которого является жизнь в товарных капиталистических общественных отношениях, и установить эру освобожденного существования, где жизнь становится искусством. Несмотря на то, что Деборд использовал традиции авангарда в качестве инструментария, с помощью которого можно было синтезировать идеи, казавшиеся подходящими, совершенно очевидно, что его творчество оставалось в рамках марксистской традиции, хотя и очень еретической. Его "Общество зрелища" недвусмысленно опирается в своем анализе на теоретические построения марксизма, в частности на его исторический материализм с упором на концепции классового господства и классовой борьбы.

Где Деборд отошел от ортодоксального марксизма, так это в том, что он подчеркивал роль потребления, которое сменило производство в качестве двигателя зрелого капитализма. Деборд считал, что с переходом к позднему капитализму накануне Второй Мировой войны, требования экономики определили образ нового человека - потребителя. Вторя Маркузе, Деборд писал о том, что в зрелом капиталистическом обществе до того репрессируемые и сублимированные желания были теперь освобождены, но лишь для того, чтобы служить капиталу. Присущее капитализму отчуждение, которое раньше осознанно ощущалось как противоречие и потому служило диалектической основой для революционных преобразований, теперь стало удобным и бессознательным по мере того как людей засасывало в апатичное блаженство потребления. Классовое господство теперь проявлялось в основном в форме культуры и идеологии, а не грубого принуждения.

Это было определяющей характеристикой "общества зрелища" Деборда: "Жизнь обществ, в которых господствуют современные условия производства, выступает как огромное скопление зрелищ". Под зрелищем Деборд понимал все средства и методы, кроме прямого насилия, которые власть использует, чтобы вытеснить потенциально политические, критические и творческие человеческие проявления к границам мысли и поведения. Другими словами, "зрелище" это нечто вроде кода, позволяющего проникнуть в сущность мощного деполитизирующего действия слаженно работающего мира капитализма; "зрелище" это общественное отношение.

Загипнотизированные радостями потребления и не осознающие своего все усиливающегося отчуждения, люди отворачиваются от изменения мира и собственного освобождения.

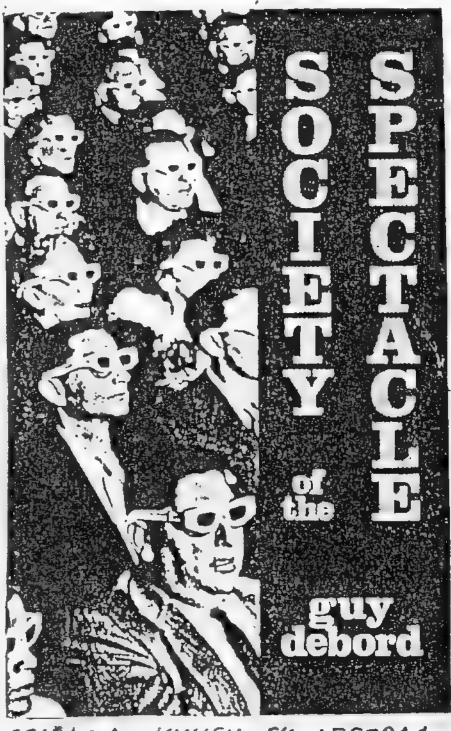
Ситуационисты признавали способность капитализма не только маргинализовать недовольство, но и фактически вывернуть его наизнанку, используя его для усиления зрелища. Очень чувствительный к этой опасности, Деборд попытался создать единую критику, которая оказалась бы непроницаемой для исравления зрелищем. Только преодолев разрыв теории и практики, писал Деборд, Ситуационистский Интернационал сможет избежать искажения своих намерений. Эта озабоченность привела СИ к тому, что он сопротивлялся как затвердению своей теории в идеологию, так и любым иерархическим формам организации. "Ситуационистский Интернационал это не политическое движение и не социология политической мистификации. Ситуационистский Интернационал выступает за перманентную революцию повседневной жизни".

Анализ Деборда нес в себе наметки революционной стратегии. Поскольку традиционный марксистский "революционный субъект" - пролетариат - переживает агонию отчужденной, вызванной зрелищем пассивности, призывы к традиционной классовой борьбе являются серьезным непониманием природы позднего капитализма, и могут рассматриваться как неотъемлемая часть самого зрелища. Исходя из этого положения Ситуационистский Интернационал видел свою миссию не в массовой работе, а в агитации и пропаганде, и именно благодаря им он приобрел свою непреходящую известность. Вместо старомодной, мрачной политики левых, СИ выступал за подлинную "революцию повседневной жизни", грандиозную культурную трансформацию. Только сорвав шоры зрелища и раскрыв реальность классового господства массы могут осознать, что восстание возможно. Может быть это было всего лишь удобным оправданием для многочисленных интеллектуалов из артистических кафе, не желавших пачкать руки в кропотливой работе по организации масс, но это настоятельное требование драматического действия одновременно открывало значительные тактические возможности.

* * *

Если анализ Деборда был сух и стремился к теоретической утонченности, то политика радикального субъекта Рауля Ванейгема в "Революции повседневной жизни" была дерзкой и буйной, воплощением joie de vivre, найденной в кругу ситуационистов. Если Деборд был воплощением строгости, то Ванейгем - мечтательности. Для Ванейгема отрицание отчужденной жизни было имманентно человеческому стремлению к активному участию и живому, непосредственному опыту. Лживые обещания зрелища, считал он, только вдохновят появление субъективного сознания, стремящегося к тому, чего не может дать зрелище: к миру, свободному от нужды, жертв и работы, где люди действительно могут жить своими мечтами, желаниями и страстями.

Место работы, являвшейся средством выживания, должна была занять игра, которой отводилось центральное место в пост-зрелищной жизни. Производительный труд должен был осуществляться только через "влечение к игре". Эта "антиработная" позиция Ванейгема позволяет безоговорочно отнести его к утопической традиции сюрреалистов, а его требование никак не меньшего, чем игра и желание стало отличительной характеристикой ситуационистской мысли и практики. Ванейгем писал в период, когда казалось, что капитализм в силах выполнить свои обещания изобилия, а технологический прогресс - сделать возможным радостное, основанное на игре человеческое существование. Сохранение капита-

ОБЛОЖКА КНИГИ ГИ ДЕБОРДА "ОБЩЕСТВО ЗРЕЛИЩА"

листических общественных отношений сковывало возможности утопического будущего, поэтому задачей революционеров было разрушение капитализма с тем, чтобы основанное на игре будущее могло стать реальностью.

В своих зажигательных и полных фантазии работах Ванейгем писал, что борьба за будущее должна вестись не только в области политики, но во всех сферах жизни, включая (а может быть в первую очередь) самые житейские и банальные. Именно в скучной и мрачной рутине несоответствие между тем, что есть и тем, что могло бы быть, ощущается особенно явственно. Здесь, в повседневной жизни лежит возможность для немедленного революционного взрыва: "Повседневная жизнь есть мера всех вещей: удовлетворенности или неудовлетворенности человеческими отношениями, использования времени, отпущенного на жизнь, артистического эксперимента, революционной политики".

Исходя из этого Ванейгем призывал как революционеров, так и их партии обратить свое внимание на непосредственное: "Люди, говорящие о революции и классовой борьбе, не соотнося этого с повседневной жизнью, не понимая того, что разрушительного есть в любви и что позитивного есть в отказе от принуждения, - от речей этих людей несет мертвечиной".

Если повседневная жизнь была местом столкновения и противоборства, то ее изменение не было чем-то, что может быть отложено до конца революции. Это то, с чем мы вынуждены "сталкиваться непосредственно в силу развития капитализма и его нестерпимых требований". Говоря о том, что образ жизни - даже бунтаря и диссидента - превратился в предустановленную роль в рамках самого зрелища, Ванейгем требовал возвращения подлинности, необузданного желания, спонтанности. Для него конечным выражением желаемой свободы и освобожденного желания были мгновения бунта. Социальная революция в конечном счете представлялась ему игрой, в которой удовольствие и личное участие определяли новые способы существования: "Революционные моменты это карнавалы, в которых частная жизнь празднует свое объединение с возрожденным обществом".

Хотя работы Деборда и Ванейгема определяли два параллельных направления ситуационистской теории - описание общества зрелища и пути его отрицания радикальным субъектом - ситуационистский проект ни в коем случае ими не исчерпывается. Уходившие своими корнями в авангардные художественные течения, ситуационисты оказались удивительно творческими и плодовитыми в поисках методов раскрытия действительной эксплуатации и классового господства, скрывающихся под маской зрелища.

Их журнал *Internationale Situationiste* ("Ситуационистский Интернационал"), публиковавшийся ежегодно под постоянно менявшимся редакционным коллективом, откликался на большое количество различных тем. Анализ международного положения от Алжира до восстания в Уоттсе соседствовал с критикой политики и языка, техническими рекомендациями по культурному и художественному вмешательству в жизнь, и постоянно присутствовавшей концепцией "единого урбанизма", интегральной теории города.

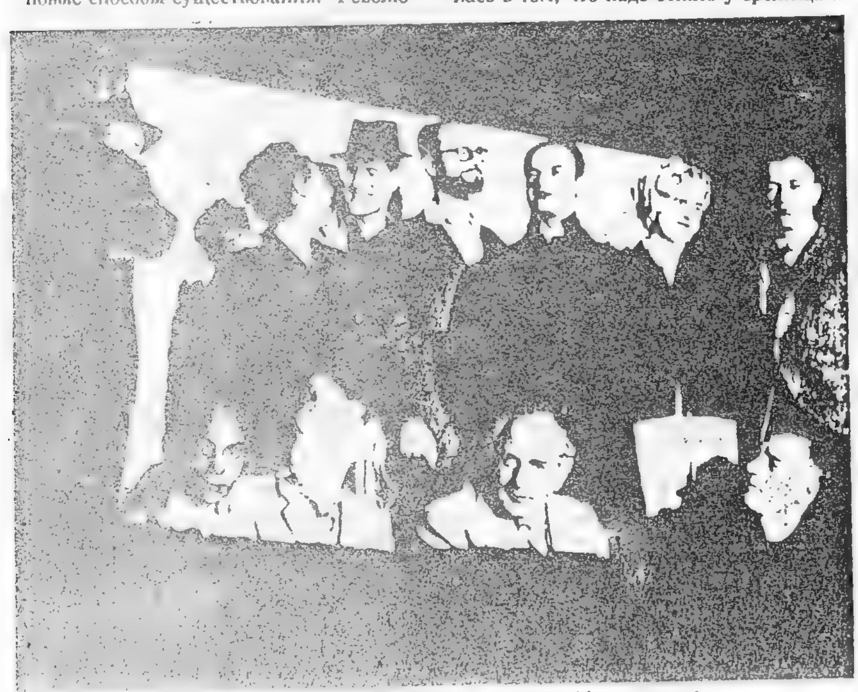
На страницах журнала можно было найти инструменты, которыми пользовались ситуационисты. Самыми известными из них были преобразованные комиксы и другие образцы массовой культуры. Словесные пузыри романтических комиксов были наполнены политической пропагандой, обворожительные героини настаивали на том, что "освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих".

Преобразованные комиксы и плакаты, а также картины Йорна и Галлицио, или расписанные стены Парижа в мае 1968 года были образцамы основной ситуационистской техники - *detournement*. *Detournement*, что можно перевести как диверсия, разрушение или нападение, был попыткой противопоставить гипнотической власти общества зрелища его же слова, символы и тотемы. Идея заключалась в том, что надо отнять у зрелища и его проявлений их смысл, изменив образ этих объектов, переставив составляющие их части, расположив различные объекты в новом порядке, тем самым провоцируя шок, который поднимет субъективное сознание людей до осознания того, что реальность мира зрелища на самом деле является лишь "материализацией идеологии", а не естественным состоянием природы. Окончательный *detournement*, конечно, должен стать переворотом существующего общества с ног на голову в ходе революционного фестиваля.

Ситуационистская теория требовала практики, которая разбила бы неприступные стены идеологической мистификации. Также как *detournement* бросал вызов смыслу зрелища, создание ситуаций - моментов свободной спонтанной игры, которые бы одновременно разрушали существующие общественные отношения и определяли отношения в посткапиталистическом будущем - было необходимо, чтобы достичь революционного праздника. Эти сознательные попытки избавиться от контроля зрелища над воображением сделают возможным выражение и реализацию до того репрессируемых желаний и достижение освобожденной и неотчужденной жизни. Концепция ситуаций развилась не только из экзистенциалистской философской мысли, но также из "единого урбанизма" леттристов. Она была ответом ситуационистов на проблему развития радикального субъективного сознания, способного сбросить сводящее все на нет бремя зрелища: "Создание ситуаций будет продолжающейся реализацией большой, сознательно выбранной игры", - заявляли леттристы, призывая к "систематическому провокационному разбросу предложений, стремящемуся превратить жизнь в занимательную игру".

Если *detournement* служил культурному производству, то создание ситуаций было средством общественной и политической борьбы. Исходя из представления о том, что общество зрелища содержит в себе как объективные, так и субъективные зерна нового общества, ситуационисты настаивали на том, что нужно развернуть пропаганду желания, которое заставит людей критически подойти к "потрясающему контрасту между возможным устройством жизни и ее нынешней нищетой". Так, ситуационисты призывали к созданию нового города, в котором были бы Причудливый квартал, Счастливый квартал, Левый квартал, к derive, то есть к прогулкам без определенной цели, ко всем видам свободной, игривой, движимой желанием деятельности - революционной деятельности.

Поскольку ситуационисты разрабатывали свою теорию и практику в десятилетие после 1957 года, их мало кто знал за пределами авангардных и ультралевых кругов. К тому же они казались страшно оторванными от жизни, настолько, что часто становились объектом насмешек из-за своей занятной оторванности от "серьезных" общественных и политических дебатов. Но с казавшимся невероятным взрывом студентов и рабочих в 1968 году, сущность мира зрелища оказалась разгаданной, и оказалась она именно такой, как и предсказывали ситуационисты. По крайней мере в течение нескольких недель западная капиталистическая страна жила мечтой ситуационистов.

Культпоход ситуационистов в кинематограф. Лондон, 1960.

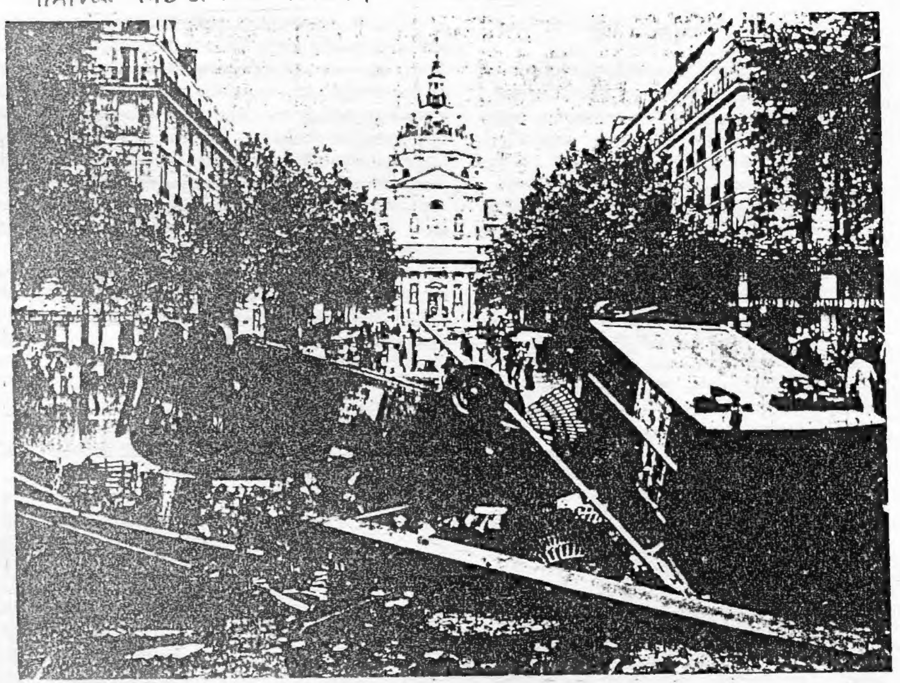
ПРЕДИСЛОВИЕ К ФЕСТИВАЛЮ

Во второй половине шестидесятых годов стало очевидно, что глобальный взрыв недовольства и бунта приближается. В ретроспективе этот период можно рассматривать в одном ряду с другими великими историческими моментами - 1848, 1905 или 1917-19 годы, - когда старый режим подвергался всемирной атаке. Если рассуждать в терминах классической революционной теории, взрыва в шестидесятые не должно было произойти: капитализм, казалось, смог преодолеть экономические противоречия, организации трудящихся работали рука об руку с капиталом, и за исключением нескольких стран Третьего мира, казалось, все шло хорошо. Но на Западе восстание исходило не от пролетариата, а от отчужденной молодежи и маргинальных групп, протестовавших против удушливой скуки и лицемерия жизни.

Языки разожженного ситуационистами пламени радикального несогласия запылали во Франции начиная с инцидента в Страсбургском университете осенью 1966 года. Группе студентов, находившихся под влиянием идей ситуационистов удалось установить контроль над страсбургским отделением студенческого профсоюза (UNEF) и с помощью ситуационистов напечатать ставший пожалуй самым знаменитым и наиболее переводимым текст "Размышления о нищете студенческой жизни, рассматриваемой в ее экономическом, политическом, психологическом и сексуальном аспектах и скромные предложения по ее изменению". Студенты использовали фонды профсоюза, чтобы напечатать 10.000 экземпляров брошюры. Это вызвало ярость администрации университета, которая подала на них в суд за неправильное использование профсоюзных фондов.

Но, конечно же, не обстоятельства при которых был напечатан памфлет, а прежде всего его содержание вызвали скандал. Поскольку памфлет был яростной атакой не только на роль студентов, но на общество зрелища вообще. Намеренно провокационный, как и все ситуационистские тексты, памфлет говорил о том, что студенты, производимые в массовых масштабах, неспособны думать - в полном соответствии с интересами зрелища - и призывал к незаконным действиям в качестве лучшего ответа на это. Приговор суда заслуживает того, чтобы его процитировать. Говоря о Ситуационистском Интернационале, судья заметил, что "эти циники не останавливаются перед воровством, разрушением образования, уничтожением работы, тотальным разрушением и мировой пролетарской революцией, единственной целью которой является "запретное удовольствие"".

Скандал, сопровождавший выход в свет "Нищеты студенческой жизни" и публикация книг Деборда и Ванейгема в 1967 году вызвал беспрецедентный интерес и дискуссии о ситуационистском анализе, в то время как французские студенты начали год разрушения и агитации, достигший своей кульминации во время майских событий в Париже. В январе 1968 года радикально настроенные студенты, находившиеся под влиянием ситуационистов, организовали группу "бешеных" (*enrages*). Более широкое "Движение 22 марта" также находилось под некоторым их влиянием.

После оккупации полицией Латинского квартала, последовавшей за мощными, продолжительными и сопровождавшимися насилием демонстрациями, протест распространился на фабрики и в учреждения. К середине месяца во всеобщей забастовке принимало участие уже более десяти миллионов человек, выдвигавших требования, находившиеся за гранью понимания государства, предпринимателей и профсоюзных бюрократов.

С самого начала рабочие отвергли повышение заработной платы, о котором договаривались профсоюзы, призывая вместо этого фундаментально изменить организацию труда и требуя самоуправления. Возникли сотни независимых рабочих советов. Работники государственного телевидения передавали в эфир предупреждения о действиях полиции. Футболисты требовали "футбола для футболистов". Студенты оккупировали Сорбонну и другие университеты. Люди гуляли по улице, освобожденные от прежней зажатости. Ванейгемовский фестиваль приближался.

В то время как Ситуационистский Интернационал был слишком мал, чтобы оказывать непосредственное влияние на события, - тогда в нем было только сорок человек, - его идеи и взгляды пропитывали атмосферу карнавала. Члены СИ участвовали в Комитете за продолжение оккупаций, призывавшего неуклонно углублять восстание самыми поэтичными сюрреалистскими призывами: "Я принимаю свои желания за реальность, потому что верю в реальность моих желаний" - говорилось в одном граффити, "Вся власть воображению!" - кричало другое. Настенную литературу можно рассматривать одновременно как реализацию искусства и *detournement* городской среды.

Один из самых известных лозунгов "Под мостовой - пляж!" был выражением остроумия и элементом *detournement* в ситуационистской лозунгистике. Это граффити относилось не только к использованию булыжников из мостовой против полиции, но и к утопическим возможностям, заложенным в акте бунта. Если общество может быть трансформировано как улицы его городов, то жизнь действительно может стать огромным праздником на берегу моря, по крайней мере лозунг говорил о том, что это возможно.

Хотя эта почти-революция закончилась растворением радикальных требований трудящихся в узкопонимаемые соглашения о зарплате и условиях труда и неспособностью студентов сохранять революционную сплоченность перед лицом предложенных правительством уступок, майские события были наибольшим приближением к социальной революции на послевоенном Западе. Парижское восстание показало в зачаточной форме контуры новой, менее отчужденной и боле человечной общественной жизни.

КОНЕЦ СИТУАЦИОНИСТСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Майские события, однако, не завершились detournement общества, вместо этого старому порядку удалось восстановить котроль. Хотя Ситуационистский Интернационал незамедлительно заявил о своей роли в подготовке взрыва, ситуационисты все же болезненно осознавали что их анализ был ошибочен: предсказанная революция не свершилась. Последствия майских событий были основной причиной самороспуска СИ пять лет спустя.

В полном соответствии с ситуационистской модой, смерть Интернационала сопровождалась яростной полемикой и взаимными обвинения групп Деборда и Ванейгема. Это отражало центральное противоречие ситуационистской мысли: напряженные отношения между желанием "делать революцию" и жить как можно более полной жизнью в существующем обществе. Фактически это было возвращение к полемике, возникшей во время раскола СИ в 1962 году, когда фракция Деборда критиковала политику желания Ванейгема как игру в темных, малозамет-

ных трещинах капиталистического общества.

Несмотря на свою малочисленность и непродолжительное существование, Ситуационистский Интернационал оказал и продолжает оказывать огромное влияние на радикалов от культуры и ультра-левых в Европе и Соединенных Штатах. Движения вроде амстердамских прово и кабутеров (хотя и критиковавшиеся в свое время ситуационистами), или польской Оранжевой Альтернативы десятилетие спустя, пытались сделать примерно то же самое. Очевидно также, что группы вроде *Angry Brigade* и *King Mob* в Великобритании придерживались ситуационистского анализа, также как и группа без лидеров Metropolitan Indians в конце семидесятых в Риме. Отдельные элементы анархистского движения автономов также продолжают говорить языком ситуационистов. (*)

В Соединенных Штатах нью-йоркское ответвление ситуационистов, Motherfuckers, приобрело известность благодаря разрушительному опустошению произведенному ими в среде более трезво мыслящего "нового левого" движения "Студенты за демократическое общество" в конце шестидесятых. Ситуационистская и пост-ситуационистская мысль продолжает оказывать влияние в анархистских и авангардных кругах. Мадисонская группа *Schiz-Flux*, например, говорит языком Ванейгема и его последователей, а издатели агитпропа из Autonomedia продолжают публиковать ситуационистские тексты. Сан-Франциско также остается цитаделью ситуационистской мысли.

Возможно наибольшее влияние ситуационисты оказали именно в области общественной теории. Говоря об обществе зрелища, Дебoрд по существу представил первый анализ постмодернистской эпохи. Многие из современных старейшин постмодернизма были частью той же парижской тусовки, в которой вращались ситуационисты, и существует явная преемственность между работой ситуационистов и возникшими позднее постмодернистскими общественными теориями.

Как и ситуационисты, теоретики постмодернизма рассматривают мир образов как разделенный на части, разъединенный, лишенный центра. Зрелище Деборда это именно та действительность, о которой они говорят. Они пользуются стилем и словарем ситуационистов, деконструктивным *detournement* и описанием в виде коллажей, не говоря уже о чудовищно сложном стиле писания. Ситуационистские термины игры и желания характерны для работ постмодернистов, точно так же, как и их интерес к средствам массовой информации, авангарду и повседневной жизни.

Но выводы ситуационистов радикально отличаются от выводов парижских постмодернистов. Их развитие шло от поиска более точных описаний того, как организовано общество и как возможно его изменение, к падению в счастливый, всепринимающий нигилизм. Гиперреальность Бодрийара представляет собой всесильное зрелище, зрелище является не видимостью, а реальностью, и ничего нельзя сделать, остается только сидеть и наслаждаться им. "История замерзает, замедляется, события сменяют друг друга и пропадают в безразличии", - пишет он в высшей отрешенности. Аналогично, Лиотар считает, что различие между зрелищем и действительностью разрушено и создалась одна цельная действительность, в которой каждое действие, каким бы радикальным оно ни было, с самого начала оказывается в общем русле, определяемом капитализмом.

Говоря короче, постмодернизм Бодрийара и Лиотара - призыв к безнадежности. Мы должны наслаждаться нашей несчастностью, поскольку это единственное, что мы можем получить. Как далек этот модный нигилизм от постоянной сосредоточенности ситуационистов на радикальных политических изменениях! В своей последней работе "Комментарии к "Обществу зрелища" Деборд исследует ту же постмодернистскую территорию, что Бодрийар и Лиотар, и хотя он менее жизнерадостен, чем в шестидесятые годы, он остается, говоря словами Грамши, "пессимистом разума, оптимистом воли". Дорога может быть невозможно трудна, но Деборд все еще пытается идти по ней.

* * *

Какое значение может иметь теория ситуационистов сегодня? Перспективы радикального общественного переустройства столь смутны, что даже могут показаться несуществующими. Игристые, освободительные требования реализации желания Ванейгема сегодня кажутся эксцентричными, если не откровенно фривольными в мире жесткой, изматывающей работы. Адреналиновый шок шестидесятых давно улетучился, а вместе с ним улетучились и мечты революционеров. Более того, призрачная технотопия, предсказанная ситуационистами, на деле обернулась уродливой дистопией. Может даже показаться, что Ситуационистский Интернационал умер вовремя.

Отнюдь! В нашу несчастную и обездушенную эпоху, когда у нас больше нет выбора между "гарантией умереть от голода и гарантией умереть от скуки", аргументы ситуационистов преобретают новую силу и значимость.

Это, однако, не означает, что в теории ситуационистов нет проблем. Их вывод о том, что капитализм преодолел экономические противоречия было очевидно неверным, близоруким анализом, воспринявшим годы послевоенного бума за постоянное положение вещей. Ожидания ситуационистов, что капитализм продолжит обеспечивать изобилие не выдержали проверки временем. Соответственно слаб был и их анализ экономических бедствий. Концентрация на несчастьи и банальности отчужденной жизни выдавала недостаточное знание или недостаточный интерес к положению беднейшей части населения планеты. Теоретические предпочтения также явственно говорят об их собственном классовом положении.

Вторая нерешенная проблема ситуационистской мысли возникает в связи с концепцией радикального субъекта Рауля Ванейгема. Оставляя в стороне заявление постмодернистов о том, что личности не существует (!), ванейгемовская политика желания - а это очень соблазнительная политика, - имеет определенный риск скатывания к простому мелкобуржуазному гедонизму. Должны ли мы попытаться прожить хорошую жизнь сейчас и позволить моменту революции удалиться к линии горизонта или мы должны сдерживать стремление к удовольствию до того момента, когда мы наконец достигнем утопии? Этот вопрос ситуационисты так и не разрешили.

Другая проблема возникает в связи с заявлением о том, что капитализм есть источник всякого отчуждения, (подразумевается, что изменение господствующих общественных отношений приведет к мистическому единству и интеграции всех индивидов). Проблематичным было и предположение о том, что экономические противоречия - единственные, которые имеют значения.

Если, как заявляли ситуационисты, их теория требовала революционной практики, тогда Ситуационистский Интернационал не отвечал своим собственным высоким требованиям. Ги Деборду довольно успешно удавалось контролировать направление деятельности Ситуационистского Интернационала. Он стал первым среди равных в организации, которая требовала полного отсутствия иерархии, до тех пор пока она не превратилась в организацию, состоявшую буквально из одного человека. Ситуационистский Интернационал также страдал от элитизма, самонедеянности и язвительных перебранок - во имя сохранения революционной чистоты.

Но даже несмотря на проблемы, претензии, преувеличения и ошибки, ситуационистская мысль остается значимой для тех, кто продолжает - столкнувшись с вредными испарениями постмодернизма - мечтать о лучшем, радикально ином мире. Ситуационисты предложили существенную историческую критику современного капитализма, первый анализ условий постмодернизма, но этим не исчерпывается их вклад в благородную традицию отрицания и протеста.

Своим пышным стилем, торжеством удовольствия и желания и бескомпромиссно критической позицией ситуационисты показали пример сегодняшним радикалам. Своей верностью радикальной демократии и оппозицией по отношению ко всем формам представительства и иерархии, они указывают путь, по которому должно пойти общество после падения диктатур, запятнавших имя социализма. Ситуационисты сознательно стремились быть авангардом в смысле искусства, а не в политическом смысле. Своей критикой интеграции в систему, они показали опасности, заключенные в любом компромиссе с существующим порядком. А своей настойчивостью в вопросе о необходимости борьбы в сфере повседневной жизни, ситуационисты сделали неизбежным соединение личного и политического.

Массовые восстания в Восточной Европе усилили нашу уверенность в том, что отказ может разрушить существующий общественный строй. Ситуационисты работали над тем, чтобы показать, что подобная общественная трансформация в сердце капитализма не только желательна, но и возможна. За это мы перед ними в неоплатном долгу. По крайней мере, ситуационисты предприняли попытку изменить мир. Кто может желать большего?

"New Politics", N14, 1993.

---

* *Это утверждение нам представляется спорным, поскольку в автономистском движении очень заметную роль играют левацкие коммунистические группировки. О том, насколько популярны идеи ситуационистов среди автономов у нас, к сожалению, нет информации - перев.*

В ЗАЩИТУ ТАЙРИ ГИТОНА

Я рассматриваю искусство как способ высказать, увидеть и почувствовать все то, что я не мог выразить, когда я был ребенком... Это чудо, о котором я мечтал мальчишкой, но которое только сейчас я могу творчески выразить.

Тайри Гитон

На протяжении пяти лет Тайри Гитон - вместе с женой Карен и дедом Сэмом Маккеем - преображают обломки американского урбанистического кошмара в то, из чего могут состоять мечты о лучшей жизни.

В духе коллективной импровизации эти афроамериканские художники превращали заброшенные дома в чудесные монтажи, полные искрометного веселья. Основным материалом для их творчества становятся кусочки общества, обломки, оставленные разлагающейся цивилизацией: старые игрушки, велосипеды, ботинки, телефонные будки, выброшенные автопокрышки, жестяные банки, футбольные шлемы, куклы, мышеловки, уличные указатели, клетки для птиц, игральные карты.

Построенные из выброшенных другими вещей, их красочные коллажи бросают вызов растущим бедам нашего времени. Неудивительно, что очень быстро они вызвали международный интерес. Гейдельберг стрит в детройтском районе Ист-Сайд, где вырос Гитон и где расположены его сооружения, стала одной из немногих достопримечательностей города, на протяжении многих лет переживающего опустошение, вызванное экономическим упадком.

За свое творчество Гитон был официально награжден повестками в суд, нападками политиков и прессы и разрушением своих работ. 23 ноября 1991 года без предварительного предупреждения бульдозеры и стенобитные машины разрушили последние четыре дома, которые он и его друзья с таким трудом заново создали.

Приветствуя это опустошение, детройтская News назвала дома Гитона "безобразием" и процитировала идиотское заявление неоконсервативного критика Хилтона Крамера о том, что искусство слишком хрупко, чтобы взваливать на него решение проблем общества. Единственное, что можно сказать о подобной позиции и том, кто ее придерживается, это то, что они тупы, лицемерны, трусливы и омерзительны - вот слова, которые сразу приходят на ум. Ясно, как божий день, что настоящее "безобразие" в Детройте это как раз те дома, которые Гитон не тронул.

Далее утверждалось, что соседи Гитона недовольны его искусством. Даже если это и так, то это еще одна причина, по которой дома Гитона должны не только стоять, но и охраняться. Неужели соседи могут быть жюри, судьями, палачами искусства? Соберите вместе всех художников в истории, которые пользовались одобрением соседей, и вы не сможете заполнить ими даже аптеку. Это почти аксиома: в вопросах искусства, свободы и любви девяносто девять из ста соседей неправы.

Однако, заявления о том, что соседи Гитона враждебно относятся к его творчеству могут оказаться беспочвенным. Преображая свой район, Гитон и его друзья сделали немало, чтобы преобразить и своих соседей - по крайней мере они помогли некоторым из них избавиться от обычных страхов и предрассудков. Некоторые из них, пожертвовавшие различные предметы для монтажей Гитона, не скрывали своей радости и гордости по поводу участия в гейдельбергском проекте. Другие после позорного Дня Бульдозеров встали на защиту Гитона.

Органическая связь Гитона с людьми, живущими в районе Гейдельберг стрит, в частности с набирающим силу общественным движением бездомных, спровоцировала власти на столь крайние карательные меры против него. В эксплуататорском обществе барьеры между искусством и обществом - между практикой поэзии и повседневной жизнью - просто необходимы для власть придержащих. Все, кто помогает разрушить эти барьеры, все, кто подстрекает угнетенные меньшинства к свободному выражению, помогает разрушать существующие властные структуры.

В то время как "официальное искусство" в США погрязло в нелепом и незначительном, Тайри Гитон высыпал в репрессивную машину политико-культурной бесцветицы белой расистской Америки целую кучу гаечных ключей. Первые дома, созданные им, превратили в груду развалин. Но каждый день все новые и новые дома оказываются пустыми. И что такое все бульдозеры мира против раскрепощенной фантазии?

Мы приветствуем исключительное мужество Тайри Гитона, который, столкнувшись с бюрократическими преследованиями и угрозами, отказался прекратить заниматься своим творчеством.

Мы заявляем о своей солидарности с ним в его борьбе против коррумпированного продажного чиновничества Детройта.

Мы протестуем против разрушения его домов, как против особенно яркого примера правительственной цензуры - цензуры в ее самой грубой форме, не имеющей абсолютно никакого оправдания.

От сюрреалистского движения США

Chris BENEKE. Les BLANK. Jayne CORTEZ. Guy DUCORNET.
Rikki DUCORNET. Luis GARCIA-ABRINES. Beth GARON.
Paul GARON. Robert GREEN. Maurice GREENIA.
Miriam HANSEN. Theodore HEINE. Charles HOLT.
Joseph JABLONSKI. Philip LAMANTIA. Nathan LERNER.
Gina LITHERLAND. Mary LOW. Thomas MAGEE.
Tristan MEINECKE. Luiza Franco MOREIRA. Hal C. PATTEE.
Nancy J. PETERS. Hal RAMMEL. David R. ROEDIGER.
Franklin ROSEMONT. Penelope ROSEMONT. Mark ROSENZWEIG.
Cathy SEITZ. Louise SIMONS. Martha SONNENBERG.
Christopher K. STARR. Cheikh Tidiane SYLLA. Debra TAUB.
Dale TOMICH. Theodore WATTS. Joel WILLIAMS

April 1992

БУЛЬДОЗЕРЫ-ЛЮБИМОЕ СРЕДСТВО ДИКТАТОРОВ ВСЕГО МИРА

Surrealist Movement in the USA:
c/o Black Swan Press, P.O. Box 6424
Evanston, Illinois 60204 USA

